

С. С. НУР

БАЛУ

Роман

С. С. НУР

С. НУР

Бану

<https://litres.ru/74681289>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Бану привыкла к жизни, где красота, достаток и чужое восхищение значили больше, чем чувства окружающих. Но однажды судьба переносит её из современного мира в суровую древность, где каждый день становится борьбой за выживание.

Среди бескрайних пустынь, кочевых племён и опасных врагов Бану предстоит научиться жить по незнакомым законам, преодолеть собственные страхи и понять истинную цену человеческой жизни. Встреча с загадочным воином Азаром откроет ей новую сторону любви, но тайны прошлого и предательство сделают её путь ещё опаснее.

Сможет ли девушка, прежде жившая ради себя, обрести мужество ради других? И найдёт ли она дорогу домой, прежде чем чужой мир навсегда изменит её судьбу?

«Бану» — история о любви, искуплении и внутреннем преображении, где настоящее испытание заключается не только в том, чтобы выжить, но и в том, чтобы остаться человеком.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	55
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	98
Глава 10	115
Глава 11	126

С. С. НУР

Бану

Глава 1

За окнами школы стоял один из тех прозрачных весенних дней, когда солнце уже припекало почти по-летнему, а деревья всё ещё не спешили покрываться молодой зеленью. По школьному двору ветер гонял прошлогодние листья, время от времени поднимая их над землёй, а из приоткрытого окна кабинета истории доносился запах влажной почвы и нагретого солнцем камня.

Бану сидела на третьей парте у окна и изо всех сил старалась сохранять видимость внимания.

Учитель уже давно рассказывал о древних цивилизациях, и его спокойный, обстоятельный голос постепенно сливался для неё в монотонный поток слов.

— ...Племена, населявшие эти территории, постепенно переходили от разрозненных поселений к более сложным формам общественного устройства. Возникали первые города, развивались торговые пути, устанавливались связи между отдалёнными областями...

Бану скользнула взглядом по циферблату часов.

До звонка оставалось двадцать три минуты.

Она едва заметно вздохнула и подперла щеку ладонью. История никогда не входила в число её любимых предметов, особенно когда речь заходила о давно исчезнувших народах, древних поселениях и торговых путях, названия которых она забывала едва ли не сразу после контрольных работ. Возможно, всё это действительно было интересно, но Бану искренне не понимала, зачем тратить столько времени на изучение чужого прошлого, когда впереди её ждала собственная жизнь, обещающая куда больше впечатлений.

Её интересовало настоящее, а ещё больше — будущее.

Она мечтала о больших городах, где по вечерам улицы сияли миллионами огней, где в дорогих ресторанах ужинали элегантно одетые люди, а витрины магазинов манили платьями, стоимость которых, как ей казалось, могла превысить цену всей мебели в её комнате. Бану хотелось путешествовать, бывать на вечеринках, знакомиться с интересными людьми и однажды оказаться в том мире, который пока существовал для неё преимущественно на фотографиях и экране телефона.

Она была уверена, что заслуживает такой жизни. Ей оставалось окончить школу, получить образование и найти способ пробиться туда, где, как ей казалось, начиналось настоящее счастье. Бану пока не понимала, что, измеряя людей достатком и внешностью, сама лишает себя возможности увидеть в них то, что действительно имеет значение.

Бану незаметно сунула руку в карман пиджака и нащупала

жевательную резинку. Прикрывшись раскрытым учебником, она осторожно развернула фантик и отправила жвачку в рот, стараясь не шуршать обёрткой.

Учитель тем временем продолжал объяснять:

— Развитие торговли, в свою очередь, способствовало культурному обмену между народами. Люди перенимали друг у друга ремёсла, обычаи, знания...

Бану едва заметно закатила глаза и потянулась к маленькому зеркальцу, лежавшему рядом с тетрадью. Сделав вид, будто проверяет записи, она взглянула на своё отражение и поправила выбившуюся прядь волос.

Сегодня она себе нравилась. Даже очень.

Она чуть приподняла подбородок, повернула голову к окну, оценивая, как выглядит со стороны, и вдруг заметила в зеркале отражение Лейлы, сидевшей неподалёку.

Подруга смотрела прямо на неё.

Бану вопросительно подняла брови, и Лейла едва заметным движением глаз указала в сторону стены.

Этого оказалось достаточно.

Бану чуть повернула зеркальце, чтобы увидеть другую часть класса.

Севиля сидела за партой у стены, склонившись над тетрадью. Она старательно записывала объяснения учителя, время от времени сверяясь с учебником, словно действительно собиралась запомнить каждое его слово.

Бану почти никогда с ней не разговаривала. Севиля не

обижала её, не вмешивалась в её дела и не давала поводов для открытой неприязни. Однако между ними существовала дистанция, которую Бану никогда не пыталась преодолеть. Девушка просто не принадлежала к её кругу, а потому оставалась для неё кем-то незначительным, на кого не стоило тратить ни времени, ни внимания.

Взгляд Бану скользнул ниже и остановился на обуви одноклассницы.

Туфли были тёмными, с невысокими каблуками и потёртыми носами. Они выглядели старомодно, и Бану несколько мгновений разглядывала их, прежде чем уголки её губ приподнялись в насмешливой улыбке.

Она снова посмотрела на Лейлу.

Та прикрыла рот ладонью, скрывая смех.

Бану закрыла зеркальце и перевела взгляд на Наргиз, сидевшую впереди. Их глаза встретились, и Бану едва заметно кивнула в сторону Севиль.

Наргиз сразу поняла, что подруга что-то задумала.

План сложился почти мгновенно.

Когда прозвенел звонок, класс ожил. Задвигались стулья, ученики заговорили о предстоящем уроке физкультуры, а из коридора донёсся шум торопливых шагов.

Бану вышла из кабинета вместе с Лейлой и Наргиз.

— Я всё-таки не понимаю, зачем она купила именно это платье, — сказала Лейла, продолжая какой-то начатый ещё на уроке разговор. — Оно ей совершенно не идёт.

— Потому что ей нравится, — невозмутимо ответила Бану. — Иногда людям достаточно полюбить вещь, чтобы решить, будто она красивая.

— Это ты сейчас про платье или про себя?

Бану рассмеялась.

— Про себя я вообще молчу. Я безупречна.

Подруги дружно засмеялись и направились в раздевалку.

До начала физкультуры оставалось несколько минут.

Севи́ль уже переодевалась. Она сняла туфли и аккуратно поставила их возле скамьи, после чего достала из сумки спортивную форму.

Бану заметила обувь почти сразу.

Она обменялась быстрым взглядом с Лейлой, и та ответила едва заметной улыбкой.

Дождавшись, когда Севи́ль отвернётся к своему шкафчику, Бану наклонилась, подхватила одну туфлю и передала её Лейле. Та, словно ничего особенного не произошло, прошла мимо Наргиз и незаметно вручила обувь ей.

Вторую туфлю Бану взяла сама.

Как раз в этот момент у двери появился Эльвин. Он собирался уходить из раздевалки, когда девушка остановила его и протянула ему добычу.

— Возьми.

Эльвин посмотрел сначала на неё, затем на туфлю в её руке.

— Ты опять что-то придумала?

— А когда я придумываю что-нибудь плохое?

Он красноречиво взглянул на обувь.

— Это смотря для кого.

Бану улыбнулась, словно вопрос показался ей забавным.

— Просто помоги. И не задавай лишних вопросов.

Эльвин покачал головой, но туфлю всё-таки взял.

— Если нас поймают, я тебя не знаю.

— Не поймают, — уверенно ответила Бану.

Она произнесла это так легко, словно чужие неприятности были пустяком, который при желании можно уладить одной улыбкой.

Вскоре раздевалка опустела. Девушки отправились на урок, а Эльвин вышел во двор с туфлём, которую ему передала Бану.

Когда раздевалка опустела, Бану, Лейла и Наргиз вышли во двор, где их уже ждал Эльвин с обеими туфлями.

— Ну и что теперь? — спросил Эльвин, разглядывая обувь. — Неужели вы действительно собираетесь оставить её здесь?

— Конечно, нет, — ответила Лейла. — Мы просто хотим, чтобы Севиль немного понервничала.

— А если она не найдёт туфли?

— Найдёт, — уверенно сказала Наргиз. — Только не сразу.

Эльвин покачал головой, но спорить не стал. Они выбрали дерево с высокими, крепкими ветвями. Эльвин забрался на

нижнюю ветку, а Бану подала ему туфлю, которую до этого держала сама. Лейла передала ему вторую — ту, что получила от Наргиз. Эльвин зацепил обе туфли за ветку, после чего осторожно спустился на землю.

— Вот теперь другое дело, — довольно произнесла Бану. — Посмотрим, сколько времени ей понадобится, чтобы поднять голову.

Все рассмеялись и вернулись к школьному зданию, стараясь вести себя так, будто ничего не произошло.

Он не подвёл.

Севиль обнаружила пропажу, когда после урока физкультуры вернулась в раздевалку и стала собираться домой.

Она подошла к скамье, где оставила обувь, и остановилась, недоуменно глядя на пустое место. Сначала ей показалось, что она просто забыла, куда поставила туфли, но, обыскав сумку и заглянув под скамью, она поняла, что обувь исчезла.

— Девочки, вы не видели мои туфли? — спросила она, оборачиваясь к одноклассницам.

Лейла посмотрела на неё с таким невинным выражением лица, что заподозрить её было бы почти невозможно.

— Какие туфли?

— Мои. Я только что оставила их здесь, возле скамьи.

— Может быть, ты переставила их в другое место? — предположила Наргиз.

Севиль покачала головой.

— Нет, я точно помню, что поставила их сюда.

Она снова принялась искать: заглянула под соседние скамьи, проверила пространство возле шкафчиков, открыла сумку и даже посмотрела за дверь, словно кто-то мог по ошибке унести обувь в коридор.

— Здесь ничего нет, — заметила Наргиз, наблюдая за её поисками.

— Давайте посмотрим в коридоре, — предложила одна из девочек.

И начались поиски, в которых неожиданно приняли участие почти все оставшиеся в раздевалке ученицы. Кто-то заглядывал под скамьи, кто-то проверял коридор, другие расспрашивали девочек, которые переодевались раньше.

Бану тоже не осталась в стороне. Она присела и заглянула под ближайшую скамью, после чего с самым серьёзным видом покачала головой.

— Здесь ничего нет.

Севиль растерянно оглядела раздевалку. Она всё ещё надеялась, что кто-нибудь обнаружит туфли в самом неожиданном месте и всё закончится обычным недоразумением.

— Но я ведь только что оставила их здесь, — повторила она, уже не столько обращаясь к подругам, сколько пытаясь убедить саму себя.

— Может быть, кто-то случайно взял их, — сказала Лейла.

Севиль посмотрела на неё с недоумением.

— Зачем кому-то понадобились мои туфли?

На этот вопрос никто не ответил.

Бану пожала плечами.

— Не переживай. Может быть, скоро найдутся.

Её голос звучал участливо, и со стороны могло показаться, что она действительно хочет помочь. Только в глазах девушки пряталось веселье, которое она тщательно старалась не выдавать.

Севиль ещё раз взглянула на часы. Уроки подходили к концу, и оставаться в школе в надежде на чудо не имело смысла.

— Мне пора домой, — тихо произнесла она.

Она собрала вещи и перекинула сумку через плечо. Не найдя туфель, Севиль решила идти домой в кроссовках; перед выходом она ещё раз оглянулась на раздевалку, надеясь, что кто-нибудь всё-таки вспомнит, куда делась её обувь.

Все рассмеялись, и вскоре компания направилась к выходу из школьного двора.

Когда Бану вместе с подругами наконец вышла из школы, солнце уже клонилось к горизонту. Длинные тени пересекали двор, а ветер шевелил сухие ветви дерева у ограды.

Севиль уже направлялась к выходу, стараясь держаться подальше от остальных. Она опустила голову, будто внимательно разглядывала дорожку под ногами, но время от времени её плечи едва заметно вздрагивали. Девушка быстро проводила ладонью по щеке, стирая слёзы, и тут же огляды-

валась, надеясь, что никто этого не заметил.

Бану заметила слёзы Севиль, но вместо сочувствия почувствовала лишь мимолётное раздражение: ей не хотелось признавать, что их шутка причинила кому-то настоящую боль. Она убеждала себя, что туфли не пропали навсегда и что ничего по-настоящему страшного не произошло. Так было проще — ведь иначе пришлось бы признать, что веселье одной компании обернулось унижением для другого человека.

По крайней мере, именно так Бану объясняла себе собственный поступок, не желая задумываться о том, что для Севиль эти туфли могли значить гораздо больше, чем для неё.

Подруги шли рядом, тихо переговариваясь, когда девушка вдруг произнесла:

— Представляете, иногда люди теряют что-нибудь, даже не догадываясь, что оно находится прямо у них над головой. Лейла повернулась к ней.

— Значит, им следовало бы смотреть внимательнее.

— Совершенно верно, — ответила Бану с улыбкой. — Самые очевидные вещи порой оказываются там, где никто не догадается их искать.

Подруги засмеялись, стараясь не слишком громко привлекать к себе внимание.

Севиль слышала их разговор.

Она замедлила шаг, и лицо её изменилось: в насмешливых словах Бану ей почудился намёк, хотя она ещё не понимала,

в чём именно заключалась шутка.

Девушка остановилась и медленно подняла голову.

Сначала её взгляд скользнул по нижним ветвям старого дерева, затем поднялся выше, к переплетению тонких, почти голых сучьев.

И вдруг замер.

На одной из высоких ветвей висели её туфли.

Обе.

Они были зацеплены за ветку так, что с земли их было трудно заметить, и теперь слегка покачивались от ветра.

Севиль несколько секунд не двигалась, словно увиденное не укладывалось у неё в голове. Потом она сделала шаг к дереву, продолжая смотреть вверх. На мгновение её лицо озарилось облегчением: туфли нашлись, значит, она не потеряла их и не придётся объяснять дома, куда они пропали.

Но облегчение быстро сменилось другим чувством.

Теперь она понимала.

Это не было недоразумением. Никто случайно не мог забросить обе туфли на такую высоту, а затем оставить их там. Кто-то специально устроил всё это, наблюдая за её поисками и притворяясь, что хочет помочь.

Севиль обернулась.

Бану и её подруги уже удалялись по дорожке. Их голоса постепенно стихали, но до Севиль всё ещё доносился смех.

Она смотрела им вслед, чувствуя, как к горлу подступает обида. Ей хотелось крикнуть, потребовать объяснений, за-

ставить их остановиться и хотя бы раз посмотреть ей в глаза. Однако слова так и не сорвались с губ.

Бану не обернулась.

Она шла рядом с подругами, уверенная, что день закончился удачно и что маленькая шалость не заслуживает ни долгих разговоров, ни угрызений совести.

За её спиной ветер снова прошёлся по ветвям старого дерева. Одна из туфель качнулась, зацепилась краем за соседний сучок и замерла над землёй.

Севиль осталась стоять под деревом, а её обидчицы продолжали удаляться...

Глава 2

Последние школьные дни остались позади. Одиннадцатиклассники сдали выпускные экзамены и теперь с нетерпением ожидали результатов, от которых во многом зависели их дальнейшие планы. Самое трудное, казалось, уже закончилось: больше не нужно было каждое утро торопиться на уроки, просиживать часы за партами, готовиться к контрольным и вздрагивать при виде учителя, который входил в класс со стопкой проверенных тетрадей. Впереди наконец открывалось долгожданное лето, а вместе с ним — новая жизнь, пока ещё туманная, полная надежд и неизвестности.

Впрочем, окончательно расслабиться выпускникам не удавалось. Одни бесконечно обсуждали, как написали экзамены, вспоминая задания, в которых могли допустить ошибки, и сравнивая свои ответы с ответами одноклассников. Другие уже строили планы на поступление, выбирали университеты, представляли себя студентами и с тревогой ждали результатов. Родители интересовались каждым баллом, учителя напоминали о необходимости следить за объявлениями, а разговоры о будущем то и дело перемежались предположениями, сомнениями и надеждами.

Но было у одиннадцатиклассников и другое, куда более приятное занятие, которое на время заставляло забыть и об экзаменах, и о предстоящем поступлении.

Выпускной!

До торжественного вечера оставалось ещё несколько недель, и теперь подготовка к нему постепенно занимала всё больше места в жизни вчерашних школьников. Нужно было выбрать наряд, подобрать туфли, определиться с причёской и макияжем, договориться о фотографиях и решить множество мелочей, которые по отдельности казались незначительными, но вместе превращались в целое событие. Девушки обсуждали платья на переменах, в телефонных переписках и по вечерам, пересылали друг другу фотографии понравившихся моделей и часами спорили о том, какой цвет лучше подчеркнёт их внешность.

Бану, разумеется, тоже не собиралась оставаться в стороне.

Она уже успела мысленно примерить десятки нарядов, пересмотреть множество фотографий в интернете и составить собственное представление о том, каким должен быть идеальный выпускной вечер. Ей хотелось не просто красиво выглядеть — она мечтала произвести впечатление, услышать восхищённые комплименты и увидеть на фотографиях именно ту себя, которую давно представляла в своих фантазиях. Для Бану этот вечер был не только прощанием со школой, но и возможностью почувствовать, что перед ней действительно открывается дверь в новую, более яркую жизнь.

Возвращаясь из школы, усталые, но весёлые, девушки снова заговорили о любимой теме.

— Девочки, у нас осталось совсем мало времени!

— До чего? — с невинным выражением лица поинтересовалась Лейла.

— До выпускного!

— А-а-а, — протянула Бану с облегчённой улыбкой. — А я уже подумала, что ты собираешься сообщить нам о конце света.

— Для моего кошелька выпускной будет примерно тем же самым, — совершенно серьёзно ответила Наргиз.

Лейла рассмеялась, а Бану покачала головой, хотя и сама едва сдерживала улыбку.

Подруги направились по залитой солнцем улице, продолжая обсуждать предстоящий вечер. До выпускного оставалось несколько недель, но мысленно они уже были в праздничном зале — среди музыки, нарядных гостей, сияющих огней и фотографий, которые должны были сохранить память об этом времени.

Сегодня им хотелось говорить о нарядах и развлечениях, а не о взрослении, которое уже приближалось и вскоре должно было изменить привычный уклад жизни.

— Я точно хочу длинное платье, — мечтательно произнесла Лейла. — Только не слишком пышное, чтобы можно было нормально двигаться и танцевать.

— А я хочу такое, чтобы все обернулись, когда я войду в зал, — призналась Наргиз.

— Скромность — твоё второе имя, — усмехнулась Бану.

— Разумеется. Я вообще очень скромная. Просто моя скромность будет в платье с открытой спиной.

Девушки дружно рассмеялись.

Постепенно разговор перешёл от платьев к туфлям, от туфель — к причёскам и макияжу. Каждая уже представляла свой будущий образ, хотя окончательного решения пока ни у кого не было.

— Мне обязательно нужен хороший визажист, — заявила Лейла. — Если я буду краситься сама, на фотографиях меня потом никто не узнает.

— А я хочу стрелки, — сообщила Наргиз.

— Ты каждый раз хочешь стрелки, а потом пять минут рассматриваешь себя в зеркале и жалуешься, что похожа на разъярённую кошку.

— Значит, в этот раз буду разъярённой кошкой. Зато красивой!

Бану смеялась вместе с подругами, время от времени вставляя свои замечания. Все казалось удивительно простым и прекрасным: впереди был выпускной, затем лето, новые планы и знакомства. Никто из них пока не хотел задумываться о том, что школьная жизнь, казавшаяся бесконечной, скоро останется в прошлом.

Когда девушки подошли к перекрёстку, Лейла неожиданно остановилась и посмотрела на подруг.

— А почему мы вообще идём домой?

Наргиз удивлённо подняла брови.

— Потому что дома существует еда?

— Еда никуда не денется. А вот мы можем прямо сейчас заехать в торговый центр.

Бану даже не пришлось уточнять, какой именно.

— В тот самый?

— Конечно! В самый большой.

После этих слов решение было принято практически мгновенно.

Через некоторое время девушки уже входили в огромный торговый центр, расположенный в центре столицы. Как всегда, Бану почувствовала, будто переступила невидимую границу, отделявшую обыденную жизнь от другого, совершенно особенного мира.

Каждый раз, оказываясь здесь, Бану словно попадала в сказку.

Высокие витрины, мягкий свет, безупречно одетые манекены, огромные зеркала и аромат дорогих духов действовали на неё почти магически. Бану верила, что вещи за стеклянными дверями бутиков способны сделать счастливее любую девушку.

Ещё совсем недавно она сидела на занятиях, с нетерпением поглядывая на часы и мечтая поскорее оказаться дома, а теперь словно преобразилась: походка стала увереннее, взгляд оживился, а на губах появилась довольная улыбка.

Здесь она чувствовала себя свободной, красивой и почти неуязвимой — словно за пределами торгового центра оста-

вались все заботы.

Она шла между витринами, рассматривая новые коллекции и останавливаясь возле особенно понравившихся вещей. Отсутствие скидок и близких праздников ничуть не мешало ей находить новые поводы для покупок.

— Девочки, посмотрите на эти туфли! — вдруг воскликнула она.

Наргиз даже не повернула головы.

— Нет.

— Ты ещё даже не посмотрела!

— Мне и смотреть не нужно. Я уже знаю, что они тебе нужны.

— Они прекрасны!

— У тебя дома уже есть прекрасные туфли.

— Но таких нет.

Наргиз наконец взглянула на витрину и тяжело вздохнула.

— Конечно, нет. Потому что это другая пара.

Бану совершенно невозмутимо кивнула.

— Вот именно.

Подруги снова рассмеялись и продолжили прогулку, обсуждая всё подряд: от новых коллекций до того, какой оттенок лака лучше подойдёт к выпускному наряду.

Однако спустя несколько минут Бану неожиданно остановилась посреди прохода. Лейла едва не столкнулась с ней и недоумённо обернулась.

— Что случилось?

Бану не ответила. Она смотрела вперёд, словно забыла, что рядом с ней кто-то есть. В её взгляде появилось такое выражение, что Наргиз и Лейла невольно замолчали и проследили за направлением её глаз.

За стеклом одного из бутиков стоял манекен в вечернем платье.

Изумрудном.

Несколько секунд девушки просто смотрели на него, не находя слов.

Глубокий зелёный цвет мягко переливался под светом витрины, а расшитые камнями разных оттенков зелёного детали мерцали, словно драгоценные капли росы. Изящный корсет подчёркивал силуэт, а от талии вниз струились мягкие складки ткани, придавая платью лёгкость и движение. В нём не было ничего лишнего, и именно эта сдержанная роскошь делала его особенно прекрасным.

У Бану перехватило дыхание.

Это было не просто красивое платье: в нём воплощалось всё, о чём Бану мечтала, представляя выпускной, — восхищённые взгляды, безупречные фотографии и ощущение, что хотя бы на один вечер весь мир будет принадлежать ей.

— Я хочу его... — наконец едва слышно произнесла она.

— Мы тоже, — почти одновременно ответили Наргиз и Лейла.

Подруги переглянулись, а затем все трое решительно направились к бутику.

Внутри их встретила продавщица — женщина средних лет с безупречной причёской и спокойным, профессионально приветливым выражением лица. Она внимательно выслушала вопрос Лейлы и перевела взгляд на платье, которое продолжало притягивать взгляды девушек.

— Сколько оно стоит? — спросила Лейла.

— Четыреста девяносто девять манатов.

У Бану внутри всё похолодело.

Наргиз округлила глаза и посмотрела сначала на платье, потом на подруг.

— Четыреста девяносто девять? Вот ведь жадные! До пятисот манатов одного маната не хватило. Наверное, специально оставили, чтобы мы чувствовали себя почти миллионерами.

Лейла тихо рассмеялась, но Бану было не до шуток.

Четыреста девяносто девять манатов.

Она мысленно прикинула, сможет ли попросить у отца такую сумму. Вряд ли. Он наверняка удивится, узнав, сколько стоит одно платье, и даже не станет обсуждать покупку. Мама тоже, скорее всего, откажет.

И всё же попробовать стоило.

Бану достала телефон и набрала её номер. Пока шли гудки, сердце колотилось так сильно, что ей казалось, будто его стук слышен всем вокруг.

Наконец мама ответила.

— Да, милая.

— Мам, привет! Как у тебя дела?

— Хорошо, спасибо. Ты уже идёшь домой? Тебя ждёт горячий ужин. Или ты опять с девочками зашла в магазин?

— Да, мам... — Бану нервно сглотнула. — Мамочка, тут такое...

— Дай угадаю: тебе нужны деньги. Что ты на этот раз увидела? — В голосе матери прозвучала знакомая усмешка.

Это немного приободрило Бану. Собравшись с духом, она заговорила быстрее, словно боялась, что не успеет убедить мать, если будет подбирать слова слишком долго.

— Мамочка, здесь такое платье! Ты даже не представляешь, какое оно красивое. Именно о таком я всегда мечтала. Я очень хочу надеть его на выпускной. Пожалуйста, разреши мне купить его. Для меня это действительно важно.

— Вот как? Настолько красивое? — с любопытством переспросила мама. — И сколько же оно стоит?

Бану глубоко вдохнула.

— Четыреста девяносто девять манатов.

На другом конце провода повисла пауза.

— Ты шутишь?

— Нет, мам.

— Бану, это слишком дорого для одного платья. Я не могу дать тебе такую сумму, поэтому даже не думай об этом.

Улыбка медленно исчезла с лица девушки.

— Мамочка...

Она сама не заметила, как в глазах выступили слёзы.

— Я тебя очень прошу. Оно мне так нравится! Я никогда ещё не видела ничего красивее.

— Я понимаю, милая, но это не значит, что мы должны покупать каждую понравившуюся тебе вещь.

— Но выпускной бывает только раз в жизни! — Голос Бану задрожал. — Я больше ничего не буду просить, честное слово. Обещаю! Только это платье. Пожалуйста, мамочка...

Слёзы покатались по её щекам. Бану поспешно вытерла их ладонью, но остановить плач уже не могла. Продавщица, до этого занимавшаяся своими делами, подняла голову, а несколько посетителей невольно обернулись на всхлипы девушки.

В трубке воцарилось молчание.

Бану стояла, крепко сжимая телефон, и боялась услышать окончательное «нет». Она знала, что мать любит её, но также знала, что та умеет быть непреклонной, когда речь заходит о деньгах.

Наконец мама тяжело вздохнула.

— Ладно.

Бану замерла, не сразу поверив услышанному.

— Покупай своё платье, — продолжила мать. — Но учти: это подарок на выпускной. Не рассчитывай, что после этого я буду оплачивать все твои новые желания. Даже если ты найдёшь туфли невероятной красоты под цвет платья.

Несколько секунд Бану молчала, ошеломлённая неожиданной победой.

— Деньги я переведу тебе на карту. Только обещай, что больше не будешь устраивать такие представления из-за каждой понравившейся вещи.

— Обещаю! — поспешно ответила Бану.

Бану понимала: мать уступила не потому, что платье было необходимо, а потому, что не выдержала её слёз. Но сейчас ей не хотелось задумываться о том, правильно ли она поступила.

— Спасибо, мамочка! Спасибо огромное! Я тебя очень сильно люблю!

— Я тоже тебя люблю, родная. А теперь возвращайся домой, а то мне уже интересно посмотреть, какой образ ты себе придумала.

— Хорошо! Я скоро буду!

Бану отключилась и ещё несколько секунд смотрела на экран телефона, словно ожидала, что разрешение матери исчезнет так же внезапно, как появилось.

Но нет. Она действительно согласилась.

Девушка подняла голову и повернулась к подругам.

Наргиз всё ещё печально смотрела на изумрудное платье.

— А мне мама отказала, — тихо сказала она.

Бану не смогла скрыть счастливой улыбки.

— А мне разрешила! Сейчас переведёт деньги.

Лейла тут же оживилась.

— Подожди! Я тоже позвоню маме!

Бану снова ощутила знакомое волнение.

Она вдруг посмотрела на платье совсем иначе. Ещё минуту назад оно было её заветной мечтой, а теперь, когда покупка стала реальной, мысль о том, что кто-то другой может получить его первым, показалась ей почти невыносимой.

Наргиз перевела взгляд с одной подруги на другую, явно догадываясь, к чему всё идёт.

— Девочки, вы ведь понимаете, что платье одно...

Но её уже никто не слушал.

Лейла быстро отошла в сторону, чтобы позвонить матери, а Бану снова открыла банковское приложение, проверяя, не поступили ли деньги.

— Кто первый оплатит, тому и платье! — решительно заявила Лейла, вернувшись к подругам.

— Согласна! — немедленно отозвалась Бану.

Они одновременно направились к кассе, каждая надеясь опередить другую.

Продащица, до этого сохранявшая спокойствие, теперь выглядела растерянной. Перед ней стояли две взволнованные девушки с телефонами в руках, словно от этой покупки зависело нечто гораздо большее, чем выбор выпускного наряда.

Секунды тянулись мучительно медленно.

Бану не сводила глаз с экрана, ожидая перевода. Лейла делала то же самое, а Наргиз осталась чуть поодаль, наблюдая за происходящим с таким интересом, будто оказалась на настоящем соревновании.

— Только, пожалуйста, не подеритесь, — осторожно попросила продавщица.

— Не подерёмся, — одновременно ответили Бану и Лейла, даже не взглянув на неё.

В бутике воцарилась тишина.

Бану и Лейла стояли у кассы, не сводя глаз с экранов телефонов. Обе уже получили согласие матерей на покупку, и теперь оставалось лишь дожидаться переводов.

— Деньги пришли! — почти одновременно произнесли они, заметив банковские уведомления.

Лейла быстро открыла приложение и первой протянула телефон продавщице.

Бану последовала за ней, стараясь не показать, насколько сильно нервничает. Ей казалось, что всё решат несколько секунд: если она промедлит, платье достанется подруге.

Продавщица повернулась к терминалу, а девушки замерли рядом, каждая надеясь, что именно её покупка будет оформлена первой.

Глава 3

— Тинь!

Короткий сигнал платёжного терминала прозвучал неожиданно громко. Лейла успела первой приложить телефон, и на экране кассы появилось подтверждение оплаты. Бану машинально взглянула на свой телефон, но её перевод уже ничего не менял: платье досталось подруге.

Покупка была завершена.

— Есть! — радостно вскрикнула Лейла.

Она победно вскинула руки и принялась пританцовывать прямо посреди бутика, забыв и о других покупателях, и о том, что ещё минуту назад сама едва сдерживала волнение.

Бану застыла на месте.

Бану застыла. Слезы ещё не выступили на глазах, но в горле уже встал ком, а лицо словно окаменело. Несколько минут назад она представляла, как выйдет на выпускной в изумрудном платье, как взгляды окружающих обратятся к ней и как наконец почувствует себя по-настоящему красивой. Теперь эта картина рассыпалась: платье купила Лейла.

Бану тоже могла заплатить: мать согласилась перевести ей деньги. Но Лейла успела первой, и изменить случившееся было уже невозможно.

Счастливая обладательница платья, казалось, не замечала перемены в настроении подруги. Она вертелась перед зерка-

лом, поправляла волосы и пробовала танцевальные движения, словно уже стояла на выпускной сцене под аплодисменты.

Наргиз и Бану молча наблюдали за её представлением.

— Вот счастливица! — наконец произнесла Наргиз, улыbnувшись.

Бану посмотрела на Лейлу. Та попыталась выполнить особенно замысловатое движение, запуталась в собственных ногах и едва не потеряла равновесие, но тут же выпрямилась и продолжила танцевать с ещё большей уверенностью.

Наргиз прищурилась, покачала головой и с притворным ужасом воскликнула:

— Девочки, я вас умоляю! Если она будет так танцевать на выпускном, нам придётся срочно переезжать в другой город. Нельзя же настолько портить общий имидж нашей компании!

Лейла услышала её замечание и расхохоталась.

— Завидуй молча!

— Я? Тебе? — Наргиз театрально прижала ладонь к груди. — Да я просто переживаю за нашу репутацию. Кто-нибудь увидит твои движения и решит, что мы все такие же!

Бану невольно улыбнулась, а вскоре уже смеялась вместе с Наргиз, глядя, как Лейла, ничуть не смутившись, изображает профессиональную танцовщицу.

На несколько минут досада отступила. Бану почти убедила себя, что ничего страшного не произошло и что она ещё

найдёт платье не хуже этого.

Почти.

Но стоило ей снова взглянуть на изумрудную ткань за стеклом витрины, как обида возвращалась. Разумом Бану понимала, что Лейла не сделала ничего дурного: она просто оказалась быстрее. И всё же принять это оказалось гораздо труднее, чем признать.

Примерно через час Бану добралась до дома.

От прежнего воодушевления не осталось и следа. Она задержалась у двери квартиры, словно собираясь с силами, а затем нажала на звонок.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла Севда — в домашней одежде, с чашкой горячего чая в руке. Она приветливо улыбнулась дочери, но, заметив её мрачное лицо, удивлённо приподняла брови.

— Боже мой, что с тобой?

Бану ничего не ответила. Она молча прошла мимо матери и направилась в свою комнату.

Севда проводила дочь взглядом, поставила чашку на столик и не стала окликать её. Она решила дать Бану немного времени: если та захочет, сама расскажет, что случилось.

Дверь комнаты закрылась.

Оставшись одна, Бану наконец перестала сдерживаться.

Она бросилась на кровать, уткнулась лицом в подушку и разрыдалась.

Это были не просто слёзы досады. Бану казалось, будто

рухнуло нечто важное, что она уже мысленно включила в своё будущее. Она столько раз представляла себя в этом платье на выпускном, что теперь почти не отделяла вещь от мечты, которую та для неё воплощала.

Вместе с платьем словно исчезло и радостное ожидание праздника.

Она сжимала край подушки, пытаясь остановить слёзы, но те текли всё сильнее. Ей казалось, что выпускной потерял смысл: зачем музыка, фотографии, причёска и макияж, если она не сможет надеть именно то, о чём мечтала?

Знакомая комната расплывалась перед глазами. На столе лежала косметика, рядом были раскрыты журналы, которые ещё утром она листала, выбирая образ для выпускного. За окном сгущались сумерки, и привычные тени медленно ложились на стены.

Всё вокруг оставалось прежним, но Бану казалось, будто мир утратил краски.

Она понимала, что, возможно, преувеличивает: до выпускного ещё было время, и другое платье наверняка можно было найти. Но от этого ей не становилось легче. Её раздражало даже то, что она не могла справиться с собой из-за, как ей самой казалось, такой пустяковой причины.

Дверь медленно приоткрылась.

На пороге появилась Севда. Она остановилась, увидев дочь, и несколько секунд молча наблюдала за ней.

В её взгляде не было ни раздражения, ни насмешки —

только удивление и лёгкая тревога.

Севда хорошо знала характер дочери. Бану была эмоциональной и вспыльчивой; порой даже небольшая неприятность оборачивалась для неё настоящей бурей. Сама Севда умела сохранять спокойствие и предпочитала сначала разобраться в случившемся, а уже потом искать решение.

За годы материнства она поняла: приказом нельзя заставить дочь успокоиться, когда та захлёбывается чувствами. В такие минуты с Бану следовало говорить терпеливо, помогая ей увидеть то, чего она не замечала из-за обиды.

Севда тихо подошла к кровати и присела рядом.

— Что случилось, Бану?

Дочь замерла, не поднимая головы.

Бану не хотелось ничего объяснять, но молчать становилось всё труднее. Она могла бы отмахнуться и продолжить плакать в одиночестве, однако накопившееся за последние часы напряжение оказалось сильнее желания скрыть свои чувства.

Бану медленно приподнялась и села, свесив ноги с кровати. Она избегала смотреть матери в глаза и нервно теребила край рукава.

— Я... Лейла... Это платье...

Севда не торопила её.

— Мама, Лейла купила платье, — наконец выговорила Бану. — То самое, изумрудное. А я не успела...

Голос её дрогнул, и глаза вновь наполнились слезами.

Севда помнила утренний разговор и сразу поняла, о каком платье говорит дочь. Бану так настойчиво просила деньги, что мать в конце концов согласилась помочь ей с покупкой. Теперь же, судя по всему, всё сложилось не так, как та рассчитывала.

Севда мягко коснулась руки Бану.

— Милая, я понимаю, как сильно тебе хотелось это платье. И понимаю, что ты сейчас расстроена. Но поверь, на этом жизнь не заканчивается. Пройдёт немного времени, и ты сама удивишься, почему переживала из-за него настолько сильно.

— Мама, ты не понимаешь! — Бану резко подняла голову. — Оно было прекрасным! Ты бы видела его! Но носить его буду не я, а Лейла!

— Ну и пусть, — спокойно ответила Севда. — Разве нельзя порадоваться за неё? Она ведь твоя подруга.

Бану нахмурилась и отвернулась.

— Она мне не подруга. Мы просто общаемся.

Севда внимательно посмотрела на дочь, и на её лице появилась лёгкая улыбка.

— Правда? А мне казалось, вы очень близки.

— Никто мне не близок! — резко бросила Бану.

Слова прозвучали так сердито, что Севда на мгновение замолчала. Она не стала спорить с дочерью, хотя прекрасно понимала, что та говорит под влиянием обиды.

— Хорошо, пусть будет так, — наконец произнесла Севда.

— Но у тебя есть семья: люди, которые любят тебя и готовы поддержать, когда тебе тяжело. Это настоящее богатство, даже если ты пока не всегда умеешь его ценить. Ни одно платье не сравнится с любовью близких и с дружбой, которую люди строят годами.

Бану посмотрела на мать с недоумением.

— Ты издеваешься надо мной? При чём здесь семья?

— Дело в том, что никакая вещь не должна лишать тебя душевного покоя настолько, чтобы ты рыдала, словно произошло настоящее несчастье, — ответила Севда. — Я хочу, чтобы ты ценила то, что у тебя есть, и помнила: не каждому достаются одинаковые возможности.

Бану постепенно успокоилась, но на лице у неё осталось хмурое, почти возмущённое выражение. Она не понимала, как мать сумела превратить разговор о платье в рассуждение о семье, благодарности и жизненных ценностях.

При чём всё это к её разочарованию?

Она лишилась платья своей мечты, а мать вместо того, чтобы просто посочувствовать, говорила о вещах, которые казались Бану отвлечёнными и неуместными.

— Вот так всегда! — воскликнула она. — Когда мне плохо, ты начинаешь рассказывать, как я должна жить и что должна ценить. Будто от этого мне станет легче!

— Я не пытаюсь запретить тебе расстраиваться, — ответила Севда. — Я лишь хочу, чтобы ты не забывала о том, что действительно важно.

— Важно то, что делает человека счастливым!

— А ты уверена, что знаешь, что именно делает тебя счастливой?

Бану удивлённо посмотрела на мать.

— Конечно! Я хочу жить красиво, ни в чём себе не отказывать, путешествовать, покупать всё, что мне нравится, и общаться с людьми, которые чего-то добились в жизни. Что в этом плохого?

— В самих желаниях нет ничего плохого, — спокойно ответила Севда. — Плохо, когда ради них человек перестаёт замечать других, начинает считать себя выше них и забывает, что мир не обязан исполнять каждое его желание.

Бану презрительно усмехнулась.

— Ты опять за своё. И кого я должна замечать? Тех, кто ничего не добился? Тех, кто даже не сумел воспользоваться собственными возможностями?

В голосе Севды впервые прозвучала строгость.

— Не суди о людях так легкомысленно, Бану. Ты не знаешь, через что им пришлось пройти, какие трудности они пережили и что помешало им жить так, как они хотели. Человек не становится хуже только потому, что у него меньше денег или возможностей.

— А зачем тогда стараться? — пожала плечами Бану. — Если человек умный, он найдёт способ изменить свою жизнь. Если нет — значит, ему просто не повезло с головой.

Севда помолчала, всматриваясь в дочь, словно пытаясь

понять, действительно ли та верит в свои слова.

— А ты сама смогла изменить свою жизнь так, как хочешь?

Бану нахмурилась.

— Что?

— Ты смогла получить то, чего хотела?

— Это совсем другое!

— Почему же?

— Потому что платье — это одно, а жизнь — совсем другое.

— Разумеется, — согласилась Севда. — Но даже такая простая ситуация иногда напоминает: далеко не всё зависит от нас. Можно мечтать, строить планы и стараться, однако это не значит, что мир обязан исполнять каждое наше желание.

Бану отвернулась. Ей казалось, что мать нарочно пытается доказать ей неприятную истину, хотя сама история с платьем, по её мнению, не заслуживала такого серьёзного разговора.

Однако вскоре на её лице снова появилось упрямое выражение. Она выпрямилась, словно только что приняла важное решение, и посмотрела на Севду с неожиданной решимостью.

— Ладно. Может, сейчас у меня нет этого платья, но однажды я надену такое, рядом с которым оно покажется обычной тряпкой! И запомни, мама: придёт время, когда я буду

стоять у трона рядом со своим королём. Я буду править, а вся империя окажется у моих ног! Люди станут уважать меня, бояться и выполнять мои приказы. У меня будет всё, чего я захочу, потому что я сама изменю свою судьбу!

Севда молча слушала её.

— Потому что я особенная! — продолжила Бану, всё больше увлекаясь собственными словами. — Я умнее, хитрее и красивее всех. Я не собираюсь жить как все. Я рождена для чего-то большего!

Севда едва заметно улыбнулась, но взгляд её оставался задумчивым.

— А счастливее всех ты тоже станешь?

Бану замолчала.

— Что?

— Я спрашиваю, станешь ли ты счастливее всех остальных, когда получишь богатство, власть и признание?

Девушка посмотрела на мать так, словно та задала совершенно нелепый вопрос.

— Конечно! Разве богатство, роскошь и слава не делают человека счастливым? Что за глупости!

— Я не уверена, что всё так просто.

— Ну конечно, — фыркнула Бану. — Ты всегда находишь способ всё усложнить.

Севда вздохнула, не обижаясь на очередную колкость дочери.

— А я желаю тебе совсем другого, милая. Чтобы ты про-

жила долгую и здоровую жизнь, нашла в ней смысл, научилась любить и позволяла другим любить тебя. Чтобы рядом были люди, которым ты доверяешь, а каждое утро давало повод радоваться ещё одному дню. Я хочу, чтобы ты умела быть счастливой не только тогда, когда получаешь желаемое, но и тогда, когда жизнь идёт не по плану.

Бану поморщилась.

— Пф... Как просто это звучит. И как скучно!

Она покачала головой и посмотрела на мать с нескрываемым разочарованием.

— Не умеешь ты жить, мама.

Севда промолчала.

— И жизнь у тебя неудачная, — добавила Бану.

В комнате стало тихо.

Лицо Севды изменилось лишь на мгновение, но Бану заметила это. Она немного побаивалась именно такого взгляда — не гневного и не раздражённого, а тихого и тяжёлого, появлявшегося, когда дочь переходила черту.

Севда не ответила сразу. Казалось, она решала не столько, что сказать, сколько стоит ли продолжать разговор, в котором каждое объяснение встречало сопротивление.

Наконец она тихо произнесла:

— Я больше не буду с тобой спорить.

Бану ничего не сказала.

— Я пыталась объяснить тебе то, что считаю важным, — продолжила Севда. — Но, наверное, некоторые вещи невоз-

можно понять заранее. Чужие советы могут помочь, однако по-настоящему человек усваивает урок лишь тогда, когда сам сталкивается с последствиями своих решений.

Она поднялась с кровати и поправила складки домашней одежды.

— Жизнь — лучший учитель, Бану. Она объяснит тебе многое лучше меня. Только помни: её уроки не всегда бывают лёгкими.

Бану уже открыла рот, собираясь возразить, но в этот момент по квартире разнёсся звонок в дверь.

Севда повернула голову в сторону прихожей.

— Это папа.

Она вышла из комнаты, оставив дверь приоткрытой.

Бану осталась сидеть на кровати. Она посмотрела вслед матери, затем нахмурилась, снова прокручивая в голове их разговор.

«Жизнь — лучший учитель».

Девушка усмехнулась.

Что бы ни говорила мать, Бану была уверена, что прекрасно знает, чего хочет. Она не собиралась довольствоваться малым, отказываться от мечты или принимать чужие представления о счастье. Она сама добьётся богатства, власти и уважения — и никто не убедит её, что она хочет слишком многого.

Она была уверена в собственной исключительности.

А значит, рано или поздно мир непременно должен был

это признать.

Глава 4

На пороге стоял отец.

Севда тут же подошла к нему, словно весь день ждала именно этой минуты. Обняв мужа за шею, она прижалась к нему и несколько раз нежно поцеловала его гладко выбритую щеку, а затем, смеясь, провела ладонью по волосам.

— Наконец-то ты дома...

В её голосе было столько тепла, что казалось: вместе с возвращением мужа в дом возвращались спокойствие и свет.

Отец улыбнулся, обхватил жену за талию и крепко прижал к себе.

— Соскучилась?

— Очень, — тихо ответила Севда и снова поцеловала его.

Бану стояла у двери своей комнаты, прислонившись плечом к косяку, и невольно улыбалась, наблюдая за родителями. Ей нравилось, как мама встречала отца после долгого рабочего дня, как он шутил с ней и как они переглядывались, словно в эти мгновения для них не существовало никого другого. Когда отец уходил, Бану немного грустила, а с его возвращением привычная жизнь будто вновь обретала равновесие.

В такие минуты дом казался ей особенно уютным, а семья — чем-то прочным и незыблемым, что, как ей тогда представлялось, не могли разрушить ни время, ни обстоятель-

ства.

Иногда, глядя на родителей, Бану задумывалась о любви. Найдётся ли когда-нибудь человек, способный покорить её сердце, которое она сама считала слишком капризным и разборчивым? Будет ли рядом с ней мужчина, не похожий на остальных, — сильный, уверенный в себе, надёжный, тот, рядом с кем можно закрыть глаза и ни о чём не тревожиться, зная, что за спиной стоит скала, способная защитить от любых невзгод?

Она мысленно перебрала знакомых юношей: одноклассников, старшеклассников и тех, кто когда-либо пытался привлечь её внимание. Бану привыкла сравнивать людей, отмечать их достоинства и недостатки, оценивать манеры, внешность и даже интонации. Ей нравилось считать, что она умеет видеть окружающих насквозь, хотя сама не замечала, насколько поверхностными порой бывали её суждения.

Вскоре она едва слышно фыркнула.

Нет. Среди тех, кого она знала, такого человека не было.

Телефон в её руке зазвонил. На экране высветилось имя Наргиз.

Бану убрала телефон в ладонь, подошла к отцу и обняла его.

— Я сейчас, пап.

— Конечно, иди, — улыбнулся он, ласково погладив дочь по голове.

Она вернулась в комнату и прикрыла за собой дверь, по-

сле чего ответила на звонок.

— Да, Наргиз.

Голос Бану звучал спокойно, однако Наргиз не отвечала. Вместо привычного оживлённого приветствия девушка услышала лишь тяжёлое дыхание.

— Наргиз? Что случилось?

— Бану...

Голос подруги был тихим и надломленным, словно каждое слово давалось ей с трудом.

— Что с тобой? Говори!

Несколько секунд Наргиз молчала, а затем произнесла:

— Севиль погибла...

Бану нахмурилась.

— Что?

— Севиль погибла, Бану.

Бану расслышала каждое слово, но смысл сказанного будто отказывался укладываться в сознании.

— Ты что, шутишь?

— Нет...

— Наргиз, если это шутка, то она отвратительная! Не смей так со мной шутить!

— Я не шучу! — Голос Наргиз дрогнул. — Она умерла, Бану. Её больше нет.

Бану замерла, крепче сжав телефон.

— Как это произошло?

— Когда почти все ушли, она вернулась за туфлями, ко-

торые висели на дереве во дворе. Не хотела никого просить о помощи и полезла сама... А потом сорвалась с ветки. Упала с такой высоты, что... — Наргиз не смогла закончить.

На другом конце провода послышались приглушённые всхлипы.

Бану почувствовала, как холодеют пальцы.

— Откуда ты знаешь?

— Мне Алина рассказала. Она дружит с внучкой директрисы. Говорит, об этом уже вся школа знает...

Наргиз снова заплакала. Бану невольно отодвинула телефон от уха, словно чужие рыдания могли причинить ей боль.

— Бану, мне страшно...

— Чего ты боишься? — спросила Бану, стараясь говорить невозмутимо. — Что ты такого сделала?

— Наша шутка...

Наргиз захлебнулась слезами.

— Наша безобидная шутка стоила человеку жизни. Если бы я только знала, чем всё закончится... Если бы могла вернуть вчерашний день! Господи, что же мы натворили?

Бану резко выпрямилась.

— Замолчи! Слышишь? Не смей так говорить!

— Но ведь мы...

— Мы не виноваты!

Она произнесла это слишком быстро, словно боялась: если позволит подруге закончить фразу, то услышит нечто, чего уже не сможет забыть.

— Она сама виновата! Нормальный человек не полез бы так высоко ради старых туфель. Была бы осторожнее — ничего бы не случилось!

Слова прозвучали жестоко даже для неё самой, однако Бану продолжала цепляться за эту мысль, будто от неё зависело, сможет ли она дышать свободно.

Если Севиль сама приняла решение, убеждала себя Бану, значит, ответственность лежала на ней. Если всё произошло случайно, то никто не должен отвечать за случившееся. А если удастся убедить в этом Наргиз, возможно, однажды она сумеет убедить и себя.

После её слов подруга надолго замолчала.

— Бану... — наконец прошептала она.

— Всё! — отрезала Бану. — Больше ни слова об этом. Ты меня поняла? Никогда не возвращайся к этой теме.

— Но я не могу перестать думать о ней...

— Тогда научись! — резко ответила Бану. — Если не хочешь навлечь на себя неприятности, возьми себя в руки. Завтра пойдём в школу, будем вести себя как обычно и не станем привлекать внимания. Чем больше ты будешь плакать и рассказывать всем о своей вине, тем больше вопросов возникнет... А Лейла? Она знает?

— Конечно, знает. Она ведь тоже участвовала в этом.

— Она тоже боится...

— Зря.

Бану старалась говорить уверенно, хотя внутри у неё

всё неприятно сжималось. Ей хотелось верить, что нескольких твёрдых фраз достаточно, чтобы случившееся перестало иметь над ней власть.

— Послушай, Наргиз. Это был несчастный случай. Мы не хотели, чтобы кто-то пострадал. Никто из нас не собирался причинять Севиль вред.

— Но ведь это мы спрятали её туфли...

— И что? Мы не заставляли её лезть на дерево! — Бану повысила голос, а затем, немного помолчав, добавила тише: — Такова была её судьба. Мы здесь ни при чём.

Наргиз не ответила.

Бану первой завершила звонок.

Несколько секунд Бану неподвижно смотрела на погасший экран, словно ждала, что телефон снова оживёт и кто-нибудь сообщит: произошла ошибка, Севиль жива, а всё это было нелепым недоразумением.

Но телефон оставался безмолвным.

Бану медленно опустилась на край кровати.

Какой ужасный день! Ещё утром всё казалось обычным, почти беззаботным, а теперь произошло нечто, о чём Бану не могла даже спокойно думать.

За окном сгущались сумерки. В комнате темнело, и лишь узкая полоска света из коридора проникала сквозь неплотно прикрытую дверь.

Из гостиной доносились голоса родителей. Севда что-то рассказывала мужу, он смеялся, затем ответил ей, и вскоре

оба снова засмеялись.

Их жизнь продолжалась, словно ничего не произошло.

Обычная, спокойная, тёплая жизнь — домашние разговоры, запах ужина и маминых духов, тихие шутки и уверенность в том, что завтра наступит ещё один день, похожий на сегодняшний.

А Бану сидела в темноте, прижимая телефон к ладони.

Бану не могла объяснить, что именно изменилось, но прежнее спокойствие исчезло. Ей казалось, что стены комнаты медленно сдвигаются, отгораживая её от остального мира, а воздух становится всё тяжелее.

Ещё час назад это была её комната — место, где она могла мечтать, смеяться, строить планы и чувствовать себя в безопасности.

Теперь комната казалась ей тюрьмой.

Утром Бану совсем не хотелось вставать. Ночью она долго ворочалась, пытаясь уснуть, но тревожные мысли снова и снова возвращали её к разговору с Наргиз. Даже короткий сон не принёс облегчения: неприятное ощущение не исчезло, а словно перешло вместе с ней в новый день.

Впервые за долгое время ей приходилось заставлять себя идти туда, куда она совсем не хотела возвращаться.

Что ждёт её в школе? Будут ли расспрашивать учеников? Узнают ли, кто спрятал туфли? И что случится, если кто-нибудь догадается о её причастности?

Вопросы возникали один за другим, не оставляя места для

привычных утренних мыслей о внешности, одежде и предстоящих занятиях.

Бану могла бы остаться дома на день или два, сославшись на плохое самочувствие, но это только привлекло бы лишнее внимание. К тому же пришлось бы объясняться с родителями, а она совершенно не представляла, что им сказать.

Собравшись с силами, девушка всё-таки вышла из дома и постаралась сохранить внешнее спокойствие, хотя внутри её по-прежнему терзали страх и сомнения.

Школа в тот день выглядела иначе. Небо затянули тяжёлые серые облака, и время от времени на землю опускался мелкий дождь. Бану невольно подумала, что даже природа словно скорбит о случившемся.

Учащиеся один за другим проходили через высокие чёрные ворота. Обычно с самого утра здесь звучали смех, приветствия и оживлённые разговоры, но теперь ребята собирались небольшими группами и переговаривались вполголоса. Казалось, каждый боялся нарушить тяжёлую тишину, опустившуюся на школьный двор.

Бану невольно замедлила шаг.

И тут она увидела дерево.

Территорию вокруг дерева огородили лентой. Ещё вчера оно было всего лишь частью школьного двора, ничем не отличавшейся от других деревьев, а теперь казалось чужим и зловещим. Неподалёку стоял работник школы, следивший, чтобы ученики не приближались к ограждению.

Бану подняла глаза на крону.

Туфель на ветвях больше не было.

Ветви пустовали и раскачивались под порывами ветра. Ничто не напоминало о том, что накануне здесь висела обувь, с которой началась эта страшная история.

Девушка отвернулась и направилась к входу.

Но, оказавшись в фойе, она резко остановилась.

Прямо перед ней стояла фотография Севиль.

Не сама Севиль — лишь её изображение в рамке, обрамлённой чёрной траурной лентой.

С фотографии на Бану смотрели большие каштановые глаза. Лицо Севиль сохраняло знакомое выражение — спокойное, немного наивное, словно она вот-вот улыбнётся и заговорит о чём-то обыкновенном, не подозревая, что этот снимок станет одним из последних воспоминаний о ней для школьных товарищей.

Бану почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она поспешно отвела взгляд и направилась в класс, стараясь не задерживаться возле фотографии ни на секунду дольше, чем требовалось.

В классе уже собрались почти все ученики. Лейла и Наргиз стояли у окна, тесно прижавшись друг к другу. Они тихо переговаривались, но, едва заметив Бану, замолчали.

Их глаза покраснели от слёз.

На мгновение Бану показалось, что подруги сейчас подойдут к ней, однако обе остались у окна. Между ними слов-

но возникла невидимая преграда, которую никто не решался преодолеть.

В этот момент в класс вошла классный руководитель, Наида Ризвановна.

Она попросила учеников занять свои места и некоторое время молча смотрела на собравшихся. Её лицо, обычно строгое и собранное, сегодня казалось особенно усталым. Учительница подбирала слова, понимая, что ничто из сказанного не объяснит случившегося и не облегчит горе тех, кто знал Севиль.

Наконец она заговорила:

— Вчера произошла страшная трагедия. Мы потеряли вашу одноклассницу Севиль — девочку, которая каждый день сидела с вами за партами, училась вместе с вами, разговаривала, делилась своими мыслями. Ещё вчера она была среди нас, а сегодня её место осталось пустым.

Голос Наиды Ризвановны дрогнул.

Она ненадолго опустила глаза, стараясь справиться с волнением, и продолжила:

— Севиль была прилежной ученицей, воспитанной, доброй и отзывчивой девочкой. Она заслуживала уважения и бережного отношения, как и любой человек. Мне тяжело говорить об этом: мы надеялись, что впереди у неё долгая жизнь, что она окончит школу, выберет свой путь и осуществит мечты. Теперь нам остаётся только помнить её.

«Доброй? Отзывчивой?» — невольно подумала Бану.

Перед глазами вновь возникли старые туфли, зацепленные за ветку дерева.

«И зачем было лезть так высоко ради какой-то обуви?»

На мгновение Бану стало легче. Привычное раздражение заслонило тревогу, позволив ей ухватиться за удобную мысль: Севиль сама совершила необдуманный поступок, сама подвергла себя опасности, а значит, Бану не должна чувствовать себя виноватой.

«Из-за неё теперь все должны страдать», — подумала Бану, сердясь на Севиль за то, что та даже после смерти продолжала нарушать её спокойствие.

Бану не сразу осознала, насколько страшной была эта мысль.

Страх в ней был. Тревога — тоже. Ей хотелось поскорее забыть о случившемся, вернуться к привычной жизни и больше никогда не слышать имени Севиль.

Но признать собственную вину она пока не могла.

По крайней мере, сейчас.

Наида Ризвановна замолчала. Бану подняла глаза и увидела, как по щеке учительницы медленно скатилась слеза. Та поспешно отвернулась к окну, словно не хотела показывать ученикам своё горе, но сдержать волнение уже не смогла.

В классе воцарилась тишина.

Это была не привычная тишина перед контрольной, когда каждый боялся привлечь внимание учителя, и не короткая пауза после чьей-нибудь неудачной шутки. Тишина была тя-

жёлтой и непривычной; казалось, каждый остался наедине со своими мыслями.

Бану неожиданно поймала себя на том, что ей хочется рассмеяться.

Не потому, что происходящее казалось ей смешным: она сама не понимала, откуда взялось это нелепое желание. Возможно, напряжение стало настолько сильным, что она уже не знала, как на него реагировать. Ей вдруг вспомнилось, что никогда прежде весь класс не умел молчать так дружно.

Уголки её губ едва заметно дрогнули.

Бану тут же опустила глаза, опасаясь, что кто-нибудь заметит эту непрошеную улыбку.

— Давайте почтим память Севиль минутой молчания, — тихо произнесла Наида Ризвановна. — Пусть её душа покоится с миром.

Ученики склонили головы.

Бану тоже склонила голову, стараясь выглядеть такой же скорбящей, как остальные. Она сидела неподвижно, сцепив пальцы под партой, и прислушивалась к тишине, которая с каждой секундой становилась всё невыносимее.

«Осталось совсем немного», — убеждала она себя.

Скоро минута молчания закончится, начнётся урок, а затем один за другим пройдут остальные. Нужно лишь вести себя осторожно, не говорить лишнего и не позволять страху взять верх.

Рано или поздно, убеждала себя Бану, всё вернётся на кру-

ги своя.

По крайней мере, ей очень хотелось в это верить.

Глава 5

Уроки тянулись один за другим. Восемь уроков — именно сегодня, как назло! Не семь и даже не шесть, а целых восемь.

Бану с трудом сдерживала раздражение. Она переводила взгляд с учителя на окно, затем на потолок, стараясь хотя бы ненадолго отвлечься от происходящего. Слова преподавателей сливались в однообразный шум; почти ничего из объяснений не задерживалось в её памяти. Время от времени она поглядывала на часы, надеясь, что стрелки наконец ускорят ход.

Наргиз и Лейла сидели непривычно тихо, стараясь даже не смотреть в её сторону. Они не разговаривали ни с Бану, ни друг с другом, словно между ними внезапно выросла невидимая стена. На переменах все трое оставались на местах, пока остальные ученики выходили в коридор и возвращались, переговариваясь вполголоса. Эти приглушённые голоса лишь усиливали тяжёлое ощущение, поселившееся в классе после смерти Севиль.

Наконец день стал клониться к концу.

Последний урок — анатомия — подходил к завершению. Тиканье часов над доской казалось Бану непривычно громким. Она то и дело поглядывала на циферблат, словно одним взглядом могла заставить время идти быстрее.

Когда прозвучала музыка, возвещавшая об окончании

урока, Бану едва заметно выдохнула.

В течение всего дня на переменах звучала одна и та же печальная увертюра. Её мелодия так глубоко засела в сознании, что теперь Бану чудилось, будто музыка продолжает звучать даже в наступившей тишине.

Уроки закончились.

Обрадовавшись, что мучительно долгий день наконец позади, Бану решила первой заговорить с девочками. Ей не хотелось уходить домой в таком напряжённом состоянии. Она была уверена: стоит им поговорить по-человечески, обменяться несколькими шутками, как прежде, — и всё постепенно вернётся на свои места. Они дружили не первый год, и Бану не желала верить, что одна страшная ошибка может разрушить их отношения.

С этой мыслью она подошла к Наргиз и Лейле.

— Девочки, ну хватит на меня злиться. Мне тоже нелегко, если вы думаете иначе. Никто ведь не знал, что всё так обернётся. Мы не могли предвидеть, что случится.

Наргиз посмотрела на неё так серьёзно, что Бану невольно замолчала. Девушка не спешила отвечать, словно подбирала слова, которые не причинят ещё большей боли.

— Мы не злимся на тебя, Бану, — наконец сказала Лейла усталым голосом. — По крайней мере, дело не только в злости. Мы все совершили ошибку. И теперь нам придётся с этим жить. Ты права в одном: мы действительно не могли представить, что Севиль...

Она осеклась, не сумев закончить фразу.

— Но ведь она сама виновата, — поспешно вставила Бану.

— Не надо было лезть на дерево!

Наргиз и Лейла одновременно повернулись к ней. В их взглядах было столько потрясения, что Бану на мгновение растерялась. Однако почти сразу она упрямо вскинула подбородок, словно приготовилась отстаивать свою правоту.

— Как ты можешь так говорить? — тихо спросила Наргиз.

— Она полезла туда из-за нас, Бану. Мы спрятали её обувь, мы заставили её искать. А теперь её больше нет.

Последние слова прозвучали громче, чем Наргиз хотела. Бану испуганно оглянулась, хотя класс уже опустел. Ей почудилось, что кто-то мог задержаться за дверью и услышать их разговор.

— Ладно, не надо, — поспешно сказала она, понизив голос. — Что случилось, то случилось. Мы уже ничего не изменим. Давайте хотя бы перестанем ссориться и попробуем снова нормально общаться. Мы ведь всегда были дружны.

Бану старалась говорить легко, почти шутливо, словно речь шла об обычной размолвке, которую можно забыть после нескольких примирительных слов. Ей хотелось вернуть прежнее чувство безопасности — то время, когда рядом были подруги и ничто не угрожало привычной жизни.

Но Наргиз не улыбнулась.

— Прежней дружбы я тебе обещать не могу, Бану.

Когда Бану попыталась коснуться её плеча, Наргиз мягко,

но решительно отвела её руку.

— Мне нужно побыть одной и разобраться в собственных мыслях. Я больше не хочу делать вид, будто ничего не произошло. И, если честно, мне кажется, что рядом с тобой я слишком часто перестаю думать о последствиях.

Она сказала это без злости, и оттого её слова прозвучали ещё болезненнее.

Не дожидаясь ответа, Наргиз развернулась и направилась к выходу. Бану несколько секунд неподвижно смотрела ей вслед, не веря, что подруга действительно оставляет её одну.

— Наргиз! — окликнула она.

Но девушка даже не обернулась.

Лейла задержалась у двери. На её лице отразились растерянность и усталость, однако она так и не нашла слов, которые могла бы сказать Бану. Наконец она опустила глаза и поспешила следом за Наргиз.

Бану осталась одна в пустом классе.

— Ну и пожалуйста! — пробормотала она, чувствуя, как обида постепенно вытесняет растерянность. — Ещё посмотрим, как вы без меня справитесь.

Слова прозвучали увереннее, чем она себя чувствовала. Бану схватила сумку и выбежала в коридор, намереваясь догнать девочек. Ей хотелось заставить их остановиться, выслушать её и прекратить вести себя так, словно только она одна была виновата во всём случившемся.

Однако за дверью класса она остановилась.

Перед ней стояла незнакомая женщина. По её одежде и строгому выражению лица Бану сразу поняла, что та не принадлежит к школьному персоналу. Раньше девушка никогда не видела её в школе, но теперь незнакомка смотрела прямо на неё, словно заранее знала, кого ищет.

— Агаева Бану?

Бану замерла. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что женщина обращается именно к ней.

— Да, это я.

— Будьте добры, пройдёмте со мной в учительскую. Нам необходимо поговорить.

Бану нахмурилась и крепче сжала ремешок сумки.

— Зачем? Я ничего не сделала. Меня дома ждут, а уроки уже закончились.

— Не волнуйтесь, — ровно ответила женщина. — Разговор не займёт много времени.

Бану не поверила этому обещанию. Она ещё раз посмотрела в сторону лестницы, за которой скрылись Наргиз и Лейла, словно всё ещё надеялась догнать их, а затем повернулась к незнакомке.

— Простите, а вы кто?

— Следователь.

Одного этого слова оказалось достаточно, чтобы внутри у Бану всё неприятно сжалось.

До сих пор она пыталась убедить себя, что случившееся останется страшным происшествием, о котором какое-то

время будут говорить в школе, а потом постепенно забудут. Она надеялась, что жизнь вернётся к привычному порядку и смерть Севиль перестанет стоять между ней и всем, чего ей хотелось.

Но эта женщина пришла не для того, чтобы выразить соболезнования или напомнить о школьных правилах. Само её появление означало, что случившееся не закончится вместе с последним уроком и что кому-то придётся отвечать на вопросы, от которых уже не удастся отмахнуться.

Женщина терпеливо ждала.

Бану медленно кивнула и последовала за ней.

Впервые за весь день ей стало по-настоящему страшно.

Глава 6

Перед дверью учительской Бану остановилась.

Она задержалась у двери всего на несколько секунд, но ожидание показалось мучительно долгим. Мысль о следовательнице заставляла живот неприятно сжиматься, а ладони — покрываться холодной влагой.

Бану глубоко вдохнула, пытаясь успокоиться.

Просто поговорят. Я ведь не хотела, чтобы Севиль погибла. Я не желала ей зла.

Эти слова ненадолго придали ей уверенности, однако почти сразу в сознании возникло другое воспоминание, от которого стало ещё тяжелее.

Но туфли украли мы.

Она стиснула пальцы и медленно разжала их. Ещё вчера эта выходка казалась забавной, чем-то, над чем можно посмеяться вместе с друзьями. Теперь слово «шутка» звучало иначе — в нём больше не осталось ничего смешного.

Шутка закончилась смертью.

Бану толкнула дверь.

В учительской царила непривычная тишина. Несколько преподавателей занимались бумагами, не разговаривая друг с другом. Даже звуки из коридора казались приглушёнными, а напряжение в комнате — почти осязаемым.

За одним из столов сидела женщина лет сорока. Перед ней

лежала раскрытая папка, рядом были аккуратно сложены листы бумаги, блокнот и ручка.

— Бану? — уточнила она, подняв голову.

— Да.

— Проходи, садись, пожалуйста.

Бану села напротив, стараясь держаться спокойно. Женщина посмотрела на неё без явной строгости или сочувствия и открыла папку.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов о Севиль. Постарайся отвечать спокойно и рассказывать только то, что действительно помнишь. Если чего-то не знаешь или не можешь вспомнить, так и скажи. Хорошо?

— Хорошо, — тихо ответила Бану.

— Ты знала Севиль?

— Да. Мы учились в одном классе.

— Вы дружили?

— Нет.

— А как складывались ваши отношения? Вы хорошо общались?

Бану едва заметно покачала головой.

— Мы почти не общались.

— Часто разговаривали?

— Иногда, но не близко.

Следовательница сделала несколько записей.

— Какой ты её помнишь?

Бану пожала плечами, словно вопрос касался человека,

которого она едва знала.

— Обычной. Спокойной. Я не знаю, что ещё сказать. Мы не дружили.

Женщина подняла глаза, но никак не прокомментировала ответ.

— Когда ты последний раз разговаривала с Севиль? Бану на мгновение замешкалась.

— Вчера, наверное.

— О чём вы говорили?

— Не помню. Кажется, ни о чём особенном.

— После уроков ты её видела?

— Нет.

— Знаешь, куда она направилась?

— Нет.

— Кто из ваших одноклассников оставался в школе после занятий?

— Не знаю.

Следовательница перелистнула страницу блокнота и тем же спокойным тоном спросила:

— Ты знала, что туфли Севиль оказались на дереве и что она пыталась их достать?

Сердце Бану болезненно ударилось о рёбра.

— Нет.

Ответ вырвался слишком поспешно. Бану сама это поняла, но отступить было поздно.

Следовательница лишь сделала очередную запись.

— Хорошо. А вчера ты была вместе с Наргиз, Лейлой и Эльвином?

Бану подняла глаза.

— Да.

— Где именно вы находились?

— В школе. Потом ушли.

— Все вместе?

— Да.

— Вы разговаривали во дворе?

— Кажется, да.

— В какой-то момент вы находились возле дерева?

Бану почувствовала, как пересохли губы.

— Не помню.

Женщина отложила ручку и посмотрела на неё внимательно.

— Ты действительно не помнишь или не хочешь отвечать?

— Я правда не помню, — повторила Бану, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Следовательница не стала спорить. Она вернулась к записям, а Бану осталась сидеть неподвижно, глядя на край стола.

Бану боялась поднять глаза: ей казалось, следовательница сразу поймёт, что она лжёт. Она цеплялась за короткие ответы и притворное незнание, надеясь избежать признания.

Она не дружила с Севиль. Почти не разговаривала с ней. Не видела, куда та пошла после занятий. Не знала, что про-

изошло возле дерева.

Так было легче. По крайней мере, Бану хотелось в это верить.

Следовательница закрыла блокнот, собираясь задать следующий вопрос, но в этот момент зазвонил её телефон.

— Извини, пожалуйста, — сказала она и поднялась.

Отойдя к окну, женщина ответила на звонок.

— Да, слушаю.

Бану невольно напряглась. Она не могла разобрать слов собеседника, однако слышала негромкие вопросы следовательницы и короткие паузы, во время которых та внимательно слушала ответ.

Разговор длился всего несколько минут, но для Бану они тянулись бесконечно. Она пыталась угадать, кто звонил и что произошло, и тревога росла с каждой секундой.

Наконец следовательница произнесла:

— Хорошо. Поняла. Спасибо.

Она завершила разговор, вернулась к столу и некоторое время молча смотрела на Бану.

— Бану, ты уверена, что хочешь и дальше утверждать, будто ничего не помнишь?

Девушка почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Я... не понимаю, о чём вы.

— Только что я разговаривала с коллегой. Наргиз, Лейла и Эльвин уже дали объяснения.

Бану замерла.

— Что они сказали?

— Рассказали, что вчера вы вместе решили подшутить над Севиль.

Во рту у Бану пересохло. Она хотела что-то возразить, но не смогла выдавить ни слова.

— По их словам, вы взяли её туфли и спрятали их на дереве.

Девушка опустила глаза.

Последняя надежда рассыпалась. Ещё минуту назад Бану верила, что осторожные ответы помогут ей выйти из комнаты, ничего не признав. Теперь эта надежда казалась наивной.

— Я... — начала Бану, но голос подвёл её.

— Я выслушала твоих одноклассников. Теперь хочу услышать тебя. Расскажи, как всё происходило с твоей точки зрения.

Бану молчала.

— Кто предложил спрятать туфли?

— Я не...

Она запнулась, судорожно подбирая слова.

— Я не помню.

Следовательница выдержала короткую паузу и спокойно сказала:

— Бану, я не прошу тебя угадывать или соглашаться с чужими словами. Если ты помнишь, кто это предложил, расскажи. Если не помнишь, так и скажи. Но не пытайся скрыть то, что действительно произошло.

Девушка подняла глаза. В голосе женщины не было угрозы, и от этого ей стало ещё труднее продолжать притворяться.

Следовательница закрыла папку и пересела на стул рядом с Бану.

— Послушай меня внимательно. Я понимаю, что тебе страшно. Вы ещё школьники, и, возможно, вчера никто из вас не думал о том, чем всё закончится. Но сейчас речь идёт о смерти человека. Мне необходимо установить, что именно произошло, а для этого я должна услышать правду от каждого, кто был к этому причастен.

Бану сцепила пальцы на коленях.

— Вы думаете, мы хотели её убить?

— Я пока не делаю таких выводов. Поэтому и задаю вопросы. Вы собирались причинить Севиль серьёзный вред?

— Нет! — вырвалось у Бану. — Нет, конечно, нет!

Впервые за всё время она ответила без колебаний.

— Тогда расскажи, что вы сделали и что собирались сделать.

Бану опустила голову. Ей хотелось снова спрятаться за привычными отговорками, переложить ответственность на остальных, убедить себя, что она всего лишь оказалась рядом. Но теперь она знала: Наргиз, Лейла и Эльвин уже рассказали о случившемся. Продолжать отрицать очевидное означало лишь ещё глубже запутаться во лжи.

— Мы просто хотели пошутить, — наконец произнесла

она.

Голос её дрогнул.

— Рассказывай дальше.

— Мы увидели туфли Севиль и решили их спрятать. Чтобы она искала, чтобы... — Бану запнулась и сглотнула. — Чтобы посмеяться над ней.

— Кто первым предложил это сделать?

Девушка задумалась, пытаясь восстановить вчерашний разговор.

— Кажется, Наргиз. По-моему, она первая об этом сказала. Но я не могу поклясться, что всё было именно так.

— Хорошо. А кто взял туфли?

— Мы все были рядом. Я не помню, кто первым их поднял.

— Ты сама брала их в руки?

Бану медленно кивнула.

— Да. Кажется, брала.

— А кто отнёс их к дереву?

Она замаялась.

— Мы все участвовали. Я не могу точно сказать, кто именно куда полез и кто оставил туфли на ветке.

— Что вы сделали после этого?

— Ушли.

— Вы понимали, что Севиль может попытаться забраться на дерево?

Бану не сразу ответила.

— Наверное, мы думали, что она попробует достать их. Но я не представляла, что она действительно полезет так высоко.

— Ты хотя бы на мгновение задумалась о том, что она может упасть?

Бану молчала. Она отчаянно пыталась вспомнить, мелькнула ли тогда в её голове хоть тень беспокойства, но перед глазами возникали лишь чужие улыбки, смех и нелепое чувство собственного превосходства, с которым они придумывали очередную выходку.

— Нет, — прошептала она наконец. — Я об этом не думала.

Следовательница не перебивала её и не торопила.

Наконец Бану начала рассказывать всё, что помнила.

Сначала слова давались ей с трудом: она путалась в последовательности, вспоминала отдельные реплики и замолкала, стараясь восстановить подробности. Постепенно рассказ становился связнее. Бану вспомнила, как они заметили туфли Севиль, решили спрятать их, посмеялись над собственной затеей, оставили обувь на дереве и разошлись.

Чем яснее Бану вспоминала тот день, тем меньше он походил на безобидную забаву. Вчера она не думала о чувствах девочки, над которой решила посмеяться. Теперь воспоминания обнажали и безрассудство их поступка, и её собственное равнодушие.

Когда рассказ закончился, в учительской снова стало ти-

хо.

Следовательница вернулась на своё место и некоторое время просматривала записи, уточняя отдельные детали. Бану сидела, опустив голову, и чувствовала, как к горлу подступает тяжёлый ком.

— Я не хотела, чтобы всё так закончилось, — тихо произнесла она.

Женщина подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

Бану с трудом сглотнула.

— Я не хотела, чтобы Севиль умерла.

Глаза защипало. Девушка попыталась сдержаться, но голос предательски задрожал.

— Если бы я знала, что она может упасть... Если бы хоть на секунду подумала, что случится такое, я бы никогда не согласилась. Никогда.

Она замолчала, чувствуя, как к стыду примешивается невыносимая горечь.

— Мне очень жаль, — добавила она едва слышно.

Следовательница не ответила сразу. Девушка, ещё недавно скрывавшая своё участие, теперь, возможно, впервые по-настоящему понимала, что случившееся нельзя отменить.

— Я не вижу оснований считать, что вы заранее хотели смерти Севиль, — произнесла женщина. — Но отсутствие такого намерения не отменяет последствий ваших действий. Иногда человек совершает необдуманный поступок

за несколько минут, а расплачиваться за него приходится гораздо дольше.

Бану молча кивнула.

— То, что ты решила рассказать о случившемся, важно для установления обстоятельств. Но я должна зафиксировать твои объяснения, сопоставить их с показаниями остальных и передать материалы для дальнейшего рассмотрения. Я не могу сейчас сказать, к каким выводам придут по итогам проверки.

— Меня накажут? — спросила Бану, побледнев.

Следовательница не стала успокаивать её обещаниями, которых не могла выполнить.

— Сейчас я не могу предсказать, какое решение будет принято. Это зависит от установленных обстоятельств и дальнейшего разбирательства. Но скрывать правду было бы ошибкой. Ты должна понимать, насколько серьёзно всё произошедшее.

Бану снова опустила глаза.

— Понимаю.

— Прежде чем закончить, я хочу уточнить ещё одну вещь. Когда вы оставили туфли на дереве, кто-нибудь из вас сказал Севиль, где их искать?

Девушка задумалась.

— Нет. Мы уже ушли.

— Хорошо. Если позже вспомнишь какие-либо подробности, которые могут помочь восстановить события, обяза-

тельно сообщи об этом.

Следовательница вернулась к документам. Бану медленно поднялась со стула: ей казалось, будто она провела в комнате несколько часов.

У двери девушка остановилась и обернулась.

— Можно идти?

— Да. На сегодня достаточно.

Бану вышла в коридор. Дверь за её спиной тихо закрылась, отсекая приглушённые голоса учителей и шелест бумаг.

Она сделала несколько шагов и остановилась, прислонившись к холодной стене. Вопросы закончились, но легче не стало. В тишине коридора особенно отчётливо звучали её собственные слова из учительской.

Я не хотела, чтобы Севиль умерла.

Бану закрыла глаза. Она действительно не хотела её смерти. Но почему-то это осознание больше не казалось оправданием.

Следовательница ещё некоторое время оставалась за столом, просматривая записи. На листах были зафиксированы объяснения четырёх учеников, и теперь ей предстояло сопоставить их, отделить достоверные сведения от противоречий и восстановить последовательность событий.

Наргиз. Лейла. Эльвин. Бану.

Все четверо признали, что участвовали в затее с туфлями, хотя подробности их рассказов ещё требовали проверки. Однако один вопрос продолжал беспокоить женщину.

Кто первым предложил спрятать туфли? Кто решил оставить их на дереве и предполагал ли кто-нибудь, что Севиль полезет за ними?

От ответа на эти вопросы зависело не только то, как развивались события, но и то, насколько каждый из подростков осознавал возможные последствия своего поступка.

Следовательница перечитала сделанные пометки, затем откинулась на спинку стула и посмотрела в окно. Школьный двор постепенно пустел. Лишь несколько учеников задержались у ворот, не спеша расходиться по домам.

Женщина тяжело вздохнула.

— Все признаются, что участвовали, — тихо сказала она самой себе. — Но кто первым предложил спрятать туфли на дереве? Кто-нибудь вообще подумал, что Севиль может полезть за ними?

Ответа пока не было.

И следовательница понимала, что без него картина произошедшего останется неполной.

Глава 7

Домой Бану возвращалась одна.

Она шла медленно, хотя всё внутри торопило её поскорее оказаться за знакомой дверью, запереться в комнате и остаться наедине с собой. Ей больше не хотелось отвечать на вопросы, ловить на себе чужие взгляды и притворяться, будто она всё ещё понимает, что происходит вокруг.

Город жил привычной жизнью. По дороге проезжали машины, возле небольшого магазина переговаривались женщины, из открытого окна доносился детский смех. Кто-то спешил домой после работы, кто-то выбирал хлеб к ужину, а в переулке мальчишки гоняли мяч, не обращая внимания на прохожих.

Для всех остальных ничего не изменилось.

Только мир Бану словно сдвинулся с привычного места.

Она снова и снова вспоминала разговор со следовательницей и вопросы, на которые ещё несколько часов назад отвечала с трудом.

Вы хотели причинить ей вред?

Тогда она сказала правду: они не собирались убивать Севиль, не желали ей смерти и не представляли, чем закончатся их затея.

Но почему же теперь ей было так тяжело?

Бану пыталась убедить себя, что всё произошло случай-

но, что никто не мог предвидеть несчастья и что они всего лишь хотели посмеяться, не собираясь делать ничего по-настоящему страшного.

Они просто взяли туфли.

Просто спрятали их.

Просто ушли.

Слово «просто» повторялось в её мыслях, словно могло сделать случившееся менее ужасным. Но с каждым разом оно звучало всё фальшивее: за ним Бану прятала не только собственный поступок, но и ту девочку, которой была ещё вчера.

Если бы я знала...

Если бы она могла хотя бы на мгновение заглянуть в будущее, то никогда не согласилась бы участвовать в этой затее. Не стала бы смеяться вместе с остальными и не подошла бы к Севиль с привычной самоуверенностью, не задумавшись о том, что та чувствует.

Но прошлое нельзя было изменить. И никакие слова — даже самые искренние — не могли вернуть Севиль к жизни.

До дома оставалось несколько минут. Бану вдруг подумала, что родители, возможно, ещё ничего не знают. Следовательно могла не успеть связаться с ними, и тогда у неё оставался шанс войти в квартиру, обнять маму, сказать, что устала, и ненадолго спрятаться в привычном мире домашних забот, ужина и планов на завтра.

И всё же Бану уже чувствовала: прежняя жизнь не вернёт-

ся просто потому, что остальные пока не знают, насколько сильно изменилось всё внутри неё.

У подъезда она остановилась, глубоко вдохнула и вошла в дом.

Поднявшись на свой этаж, девушка замедлила шаг перед знакомой дверью. Несколько секунд она смотрела на неё, собираясь с духом, затем нажала на звонок.

Дверь открылась почти сразу.

На пороге стояла мама.

Она внимательно посмотрела на дочь, словно пыталась понять что-то по одному выражению её лица, но ничего не спросила.

Бану тоже молчала.

В глазах матери не было ни гнева, ни открытого упрёка. Только тревога, которую она пыталась скрыть, и такая непривычная печаль, что у Бану сжалось сердце.

— Привет, — тихо произнесла Бану.

— Привет, доченька, — ответила мама.

Мать немного посторонилась, пропуская дочь, и словно хотела протянуть к ней руку, но в последний момент передумала.

Бану сняла обувь, прошла по коридору и направилась прямо в свою комнату.

— Бану... — негромко позвала мать.

Девушка остановилась, но не обернулась.

— Я очень устала, мам. Можно я немного полежу?

В её голосе прозвучала такая беспомощность, что мать не стала настаивать.

— Конечно. Отдохни.

Бану вошла в комнату и тихо закрыла дверь.

Мама осталась в коридоре. Ей хотелось войти следом, обнять дочь и спокойно расспросить обо всём: как Бану оказалась причастна к этой страшной истории и что теперь чувствует.

Но дочь выглядела измученной, и мать боялась, что неосторожное слово заставит её замкнуться ещё сильнее.

Она не знала, как поступить: оставить Бану в покое или всё-таки поговорить с ней, пока между ними не выросла стена молчания.

В комнате Бану переоделась, расправила покрывало и легла на кровать, даже не задвинув шторы. За окном ещё держался дневной свет; солнечные лучи пересекали пол, касались письменного стола и освещали раскрытую книгу, оставленную там несколько дней назад.

Обычно в это время она уже строила планы на вечер, переписывалась с подругами или выбирала одежду. Теперь ей не хотелось ничего. Даже телефон возле подушки казался ненужным.

Бану закрыла глаза, стараясь отогнать воспоминания, но перед ней снова возникло лицо Севиль, а за ним — ветви дерева, чужие улыбки и собственный смех, который теперь казался чужим и неприятным.

Она уткнулась лицом в подушку, надеясь хотя бы ненадолго забыться.

Усталость постепенно взяла верх. Мысли замедлились, тревога отступила, и вскоре Бану уснула, не заметив, как за окном потускнел дневной свет.

Во сне она снова оказалась в школе.

Это была не та школа, которую она знала. Всё казалось светлее, просторнее и добрее, а солнечные лучи ложились на пол широкими золотистыми полосами.

Бану сидела за партой, совсем маленькая, с тонкими детскими пальцами и растрёпанными волосами. Перед ней лежали цветные наклейки, баночки с блёстками, разноцветные карандаши и лист плотного картона, из которого они с Севиль мастерили сказочный замок.

Севиль сидела рядом и, наклонившись над поделкой, внимательно рассматривала две бумажные башни.

— Нет, сюда обязательно нужно добавить ещё золотые наклейки! — заявила она.

— Их и так слишком много, — возразила Бану, пытаясь отодвинуть баночку с блёстками подальше от края парты.

— Замки не бывают слишком блестящими.

— Бывают. Просто ты этого не знаешь.

— Неправда!

Севиль рассмеялась, и Бану не выдержала, тоже прыснув от смеха.

Они одновременно потянулись за одной и той же наклей-

кой, их пальцы столкнулись, и девочки снова рассмеялись, совершенно забыв о своём споре.

Бану смотрела на Севиль и чувствовала необыкновенную лёгкость. Казалось, так будет всегда: они станут сидеть за одной партой, придумывать игры, спорить из-за пустяков и мириться через несколько минут, не придавая значения тому, кто первым оказался неправ.

Севиль что-то оживлённо рассказывала, размахивая руками, и Бану с улыбкой слушала её, хотя почти не понимала, о чём шла речь.

Затем Севиль внезапно замолчала.

Её улыбка исчезла.

— Севиль? — позвала Бану.

Девочка не ответила.

Бану повернула голову, чтобы спросить, что случилось, но место рядом оказалось пустым.

— Севиль?

На парте осталась незаконченная поделка, возле неё лежали раскрытые баночки с блёстками и несколько золотистых наклеек. Всё остальное было по-прежнему, однако Севиль нигде не было.

Бану заглянула под парту, посмотрела назад, затем поднялась и вышла из класса.

Коридор оказался длиннее, чем она помнила. Вдоль стен тянулись знакомые двери, но за каждой из них царила тишина.

— Севиль!

Её голос прокатился по коридору и затих где-то вдали.

Бану открыла первую дверь.

Пустой класс.

Вторую.

Никого.

Она ускорила шаг, заглядывая в классы один за другим. С каждой секундой всё сильнее крепло ощущение, что происходит что-то неправильное.

Ещё недавно школа была наполнена светом и детскими голосами, а теперь стены казались серыми, окна потемнели, и даже пол под ногами выглядел чужим.

— Севиль, хватит! Это уже не смешно!

Она сама не понимала, почему сказала это. В голосе прозвучало раздражение, но за ним прятался страх, который она пока не хотела признавать.

Ответа не последовало.

И вдруг откуда-то снаружи донеслось тихое птичье щебетание.

Звук повторился — тонкий, негромкий, словно птица звала кого-то из-за окна.

На тонкой ветке дерева сидела маленькая птица. Её перья отливали мягким серым цветом, а тёмные блестящие глаза были устремлены прямо на Бану.

Птица не боялась её и не пыталась улететь.

Она просто сидела на ветке, чуть наклонив голову, словно

ждала.

— Ты не видела Севиль? — прошептала она.

Вопрос прозвучал нелепо, и Бану сама не поняла, зачем обратилась к птице. Но едва произнесла эти слова, как почувствовала странную, необъяснимую связь с маленьким существом, словно между ними был смысл, которого она ещё не могла постичь.

Бану невольно потянулась к ней.

Ей хотелось рассмотреть птицу поближе и понять, почему та не улетает и отчего её взгляд вызывает тревогу.

Бану оглянулась на пустой коридор. Теперь ей казалось, что искать Севиль нужно не здесь. Она не могла объяснить почему, но уверенность становилась всё сильнее.

С улицы потянуло прохладным воздухом. Ветка покачнулась, и птица вновь переместилась чуть дальше, будто приглашая её последовать за собой.

Она не думала об опасности и не спрашивала себя, зачем выходит наружу. Всё её внимание было приковано к птице, которая смотрела на неё с непостижимой серьёзностью.

Девушка потянулась за ней, чувствуя, что должна приблизиться, иначе упустит что-то важное, хотя не знала, что именно.

Она попыталась ухватиться за оконную раму, но пальцы соскользнули по гладкой поверхности.

Она резко села на кровати, судорожно хватая воздух.

Несколько секунд Бану не понимала, где находится. Пе-

ред глазами всё ещё стоял тёмный оконный проём, а в ушах звучал испуганный крик — словно он принадлежал не ей, а маленькой девочке из сна.

Сердце бешено колотилось, волосы прилипли ко лбу, а пальцы судорожно сжимали край одеяла.

Девушка медленно выдохнула и провела ладонью по лицу. Ей хотелось убедить себя, что это был всего лишь сон, не имевший никакого значения, и что через несколько минут она забудет его, как забывала большинство сновидений.

Но странное чувство, заставлявшее её тянуться к птице, не исчезало.

Пора было вставать и идти в школу.

Умыться, одеться, собрать учебники — привычные дела.

Бану двигалась быстро, почти машинально, стараясь занять себя утренними хлопотами. Она не задержалась перед зеркалом, как обычно, не стала долго выбирать одежду и даже забыла проверить, всё ли положила в сумку.

На ветке дерева за стеклом сидела птица.

Птица была маленькой, серой, самой обыкновенной городской птахой, которая могла случайно присесть на ветку перед тем, как улететь дальше.

И всё же Бану не могла отвести от неё глаз.

— Бану, ты завтракать будешь? — донёсся из кухни голос матери.

Она вздрогнула, словно её застали за чем-то запретным, и поспешно схватила сумку.

— Нет, мам! Я опаздываю!

Выйдя из комнаты, Бану направилась к двери. На кухне мать уже стояла возле стола, собираясь что-то сказать, но дочь торопливо обулась и потянулась к ручке.

— Бану, подожди хотя бы минутку. Ты вчера так и не...

— Мам, пожалуйста, не сейчас. Я правда опаздываю.

В её голосе прозвучало раздражение, за которым скрывалась растерянность. Бану не хотела объяснять сон, говорить со следовательницей или снова вспоминать Севиль. Ей казалось, что стоит задержаться хотя бы на минуту — и мысли, от которых она убегала, настигнут её прямо здесь, в прихожей.

— Хорошо, — тихо ответила мать. — Только будь осторожна.

— Хорошего дня, доченька.

Мать осталась у стола, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Она надеялась, что со временем дочь успокоится и сама захочет поговорить, но тревога не отпускала её. За последние сутки Бану словно отдалилась от семьи, и мать не знала, как вернуть прежнюю близость.

Тем временем Бану быстро спускалась по лестнице, крепко прижимая сумку к боку. Улица встретила её привычным шумом, прохладным воздухом и спешащими по своим делам людьми.

Она ещё не понимала, почему во сне так отчаянно стремилась последовать за птицей и отчего даже наяву ей казалось, что эта встреча была не случайной.

Она ещё не знала, что после гибели Севиль школа никогда не станет для неё прежней. Прошлое возвращается не только в воспоминаниях: порой оно приходит в странных снах и заставляет человека взглянуть на то, от чего он пытается отвернуться.

Глава 8

Через несколько дней после смерти Севиль классный руководитель попросила учеников остаться после уроков.

Когда ребята собрались возле учительского стола, она выдержала короткую паузу, словно подбирая слова, и заговорила негромко, но твёрдо:

— Сегодня мы пойдём к Севиль домой. Её семье сейчас очень тяжело, и наше присутствие, возможно, хоть немного поддержит близких. Прошу вас вести себя сдержанно, не шуметь и помнить: мы идём выразить соболезнования, а не обсуждать случившееся.

Никто не возразил.

Бану стояла среди одноклассников, опустив глаза. Она понимала, что рано или поздно им придётся встретиться с семьёй Севиль, но до последнего надеялась, что этот момент наступит не так скоро. Теперь же от одной мысли о предстоящем визите у неё неприятно сжималось сердце.

Наргиз стояла неподалёку, избегая встречаться с кем-либо взглядом. Лейла молчала, а Эльвин, обычно не упускавший случая пошутить, выглядел непривычно серьёзным. После разговора со следовательницей между ребятами словно выросла невидимая стена: они по-прежнему сидели в одном классе и слышали голоса друг друга, но прежняя лёгкость исчезла.

Никто не решался первым заговорить о том, что не давало покоя каждому из них: о туфлях, дереве и Севиль.

Туфли.

Дерево.

Севиль.

Эти воспоминания преследовали их, хотя каждый, вероятно, пытался справиться с ними по-своему.

— Ну что ж, пойдёмте, — сказала классная руководительница.

Ребята молча направились к выходу.

Дом Севиль находился в стороне от оживлённой улицы, за невысокой калиткой, которая плохо закрывалась и тихо скрипела при каждом движении. Небольшой старый дом стоял в глубине двора. Его фасад давно потерял первоначальный цвет, кое-где штукатурка осыпалась, а возле входа лежали сложенные у стены доски и несколько ненужных вещей.

Бану замедлила шаг.

Она никогда прежде здесь не бывала и, если быть честной, даже не задумывалась, где живёт Севиль. Бану привыкла считать, что одноклассники возвращаются после уроков в обычные квартиры или дома, где их ждут родители, ужин и повседневные заботы. Она знала, что некоторые живут скромнее неё, но никогда не пыталась представить, насколько сильно могут различаться их условия.

Теперь она стояла перед чужой калиткой и почему-то боялась войти.

— Дети, пожалуйста, проходите, — тихо напомнила классная руководительница.

Бану последовала за остальными.

Внутри было тесно. Узкий коридор вёл в небольшую комнату, вдоль стен стояла старая мебель. Доски пола потемнели и истёрлись от долгого использования, а выцветшие обои местами отходили от стен. На простом столе лежала аккуратно расправленная скатерть, рядом стоял шкаф с потёртыми дверцами.

В доме было чисто, однако скромность обстановки невозможно было не заметить.

Бану невольно огляделась. На кухне она увидела старую плиту, несколько кастрюль и маленькую раковину. Здесь не было привычного простора, современной техники и удобств, которые она с детства принимала как должное.

Она вспомнила собственную квартиру: просторную кухню, удобную ванную, горячую воду, мягкие полотенца, шкафы, полные одежды, и множество вещей, которыми пользовалась каждый день, не задумываясь ни об их цене, ни о том, каково обходиться без них.

Всё это казалось ей настолько естественным, что она никогда не воспринимала свой достаток как нечто особенное.

Как же Севиль жила здесь?

Мысль возникла неожиданно, и Бану стало стыдно за сам вопрос. В нём слышалось удивление, будто бедность была чем-то немыслимым, хотя этот дом составлял весь привыч-

ный мир Севиль.

Бану стало ещё тяжелее оттого, что раньше она ни разу не задумалась об этом.

Севиль сидела рядом с ними в классе, носила школьную форму, отвечала у доски, писала контрольные и выполняла домашние задания. Она смеялась над шутками и молчала, когда не хотела разговаривать. Для Бану она оставалась просто одноклассницей — человеком, которого можно было не замечать, пока он не оказывался прямо перед глазами.

И всё это время после уроков Севиль возвращалась сюда.

В этот небольшой старый дом, где, возможно, даже самые простые вещи требовали усилий, а привычные для Бану удобства были недоступны.

Девушка отвела взгляд.

Бану отвела взгляд. Ей вдруг стало ясно: она не просто мало знала о Севиль — она никогда всерьёз не пыталась узнать её.

Из соседней комнаты донёсся тихий голос:

— Проходите, дети. Садитесь, пожалуйста.

На пороге стояла мать Севиль.

Мать Севиль выглядела измученной. Лицо осунулось, глаза покраснели от слёз, движения были медленными, словно даже простые действия требовали усилий. И всё же женщина старалась держаться и приветствовала гостей с вежливостью, которая, возможно, помогала ей сохранить хоть какой-то привычный порядок в доме, где теперь всё напоми-

нало об утрате.

— Примите наши искренние соболезнования, — сказала классная руководительница, подходя к ней. — Мы очень скорбим вместе с вами. Севиль была нашей ученицей, и её гибель стала страшным потрясением для всего класса.

Мать Севиль кивнула, пытаясь сдержать слёзы.

— Спасибо, что пришли.

Она пригласила всех в комнату.

Ребята расселись вдоль стен и на стульях вокруг небольшого стола. Некоторое время никто не решался заговорить. Классная руководительница первой нарушила молчание, ещё раз выразив соболезнования и сказав, как тяжело школе переживать потерю ученицы.

Затем заговорили некоторые одноклассники. Их слова были короткими, осторожными, иногда неловкими. Бану же не могла произнести ни единой фразы.

Она смотрела на свои руки и пыталась придумать, что сказать матери Севиль.

Простите меня.

Но как произнести эти слова? За что именно просить прощения?

За то, что вместе с остальными участвовала в розыгрыше? За смех, который тогда казался безобидным? За то, что не остановила друзей и не задумалась, насколько жестокой может оказаться их затея? Или за то, что никогда не интересовалась жизнью Севиль и лишь теперь, когда уже ничего

нельзя исправить, впервые попыталась представить, что та чувствовала?

Бану не находила ответа.

Бану боялась, что стоит ей открыть рот — и признание вырвется само собой. Но ещё страшнее было встретиться взглядом с матерью Севиль и увидеть в её глазах вопрос, на который Бану не сможет ответить.

Через некоторое время мать Севиль поднялась и вышла в соседнее помещение. Вскоре она вернулась с подносом, на котором стояли небольшие стаканы с чаем.

— Выпейте хотя бы немного, дети, — сказала она. — Вы ведь после школы, наверное, ещё ничего не ели.

Она разнесла стаканы по комнате, стараясь никого не обделить, и поставила один перед Бану.

— Спасибо, — тихо произнесла девушка.

Она посмотрела на чай, но не прикоснулась к нему.

— Что-то не так? — спросила мать Севиль, заметив это.

— Нет. Просто не хочется.

— Может быть, всё-таки выпьешь? Чай горячий, тебе станет легче.

Бану покачала головой.

— Спасибо. Правда, не хочется.

Женщина не стала настаивать и отошла к другим гостям.

Бану продолжала смотреть на стакан. Ей было стыдно за собственную беспомощность: мать Севиль заботилась о чужих детях, хотя сама переживала горе, которое не могли об-

легчить ни чай, ни самые добрые слова.

Через несколько минут женщина села неподалёку от классной руководительницы. Она обвела взглядом собравшихся, и на мгновение её лицо смягчилось.

— Вы ведь все вместе учились? — спросила она.

— Да, — ответила учительница. — С первого класса.

Мать Севиль медленно кивнула.

— Она часто рассказывала о школе.

Бану подняла глаза.

— О нас? — неожиданно для самой себя спросила она.

Женщина посмотрела на неё.

— Да. О классе, об уроках, о том, что у вас происходило.

Иногда приходила домой и начинала рассказывать обо всём сразу, так что я даже не успевала понять, с чего она начала.

На её лице появилась слабая улыбка, но почти сразу исчезла.

— Говорила, что у неё хороший класс.

У Бану болезненно сжалось сердце.

Хороший класс.

Она опустила глаза, словно эти слова были обращены именно к ней.

— Севиль очень любила школу, — продолжила женщина.

— Даже когда дома было трудно, она всё равно старалась идти на занятия. Иногда я говорила ей: «Останься сегодня дома, отдохни, доченька». А она отвечала: «Нет, мама, я не хочу пропускать. Вдруг что-нибудь интересное будет».

Женщина ненадолго замолчала, и в комнате снова стало тихо.

— Она всегда старалась хорошо учиться. Радовалась, когда у неё что-нибудь получалось, даже если это была какая-то мелочь. Могла целый вечер рассказывать, как ей удалось сделать красивую поделку или как учительница похвалила её за работу.

Бану перестала замечать, что происходит вокруг.

Перед её глазами возникли разноцветные наклейки, блёстки и лист картона, из которого они с Севиль мастерили замок.

Во сне они были маленькими. Севиль смеялась, спорила с ней из-за золотых наклеек и тянулась за той же самой деталью, что и Бану.

Это был всего лишь сон.

Это был всего лишь сон, но теперь он казался странно близким — словно воспоминание о чём-то настоящем, чего Бану прежде не замечала. Она подумала, что Севиль, возможно, и правда любила простые вещи, радовалась поделкам, смеялась над пустяками и хранила в памяти обычные школьные дни как нечто дорогое.

Бану никогда не пыталась этого узнать.

Мать Севиль достала из кармана платок и осторожно промокнула глаза.

— Я только одного не понимаю, — произнесла она после долгой паузы.

Классная руководительница повернулась к ней, но не стала перебивать.

Женщина опустила руки на колени и посмотрела куда-то перед собой, словно обращалась не к гостям, а к самой себе.

— Почему это случилось с моей девочкой? За что ей всё это? Она ведь никому не желала зла.

Голос её дрогнул.

— Она просто хотела жить. Учиться, вырасти, найти хорошую работу, помогать мне... У неё столько всего впереди было.

Последние слова прозвучали почти шёпотом.

— Я ведь думала, что у нас ещё много времени.

В комнате никто не двигался.

У Бану перехватило дыхание. Казалось, каждое слово женщины обращено к ней и обнажает то, чего она так боялась признать.

Севиля действительно хотела жить.

Она хотела учиться, строить планы, радоваться мелочам, возвращаться домой и рассказывать матери о школьных событиях. У неё было будущее — то, о котором Бану не думала, когда смеялась вместе с остальными и принимала чужое унижение за забаву.

Теперь этого будущего у Севиля не было.

Бану стало трудно усидеть на месте. Воздух казался тяжёлым, стены будто сдвигались, а ей чудилось, что мать Севиля вот-вот посмотрит прямо на неё и задержит взгляд дольше,

чем на остальных.

Она резко поднялась.

Несколько человек обернулись.

— Простите, мне нужно идти, — произнесла Бану, стараясь не смотреть ни на кого.

Мать Севиль удивлённо подняла голову.

— Уже уходишь, доченька?

Бану кивнула.

— Да. Мне пора домой.

Она не знала, как объяснить свою поспешность, и боялась, что любой ответ прозвучит как оправдание. Поэтому лишь тихо попрощалась и направилась к выходу.

— Береги себя, — услышала она вслед голос женщины.

Эти слова оказались для Бану почти невыносимыми.

Бану не обернулась.

Когда она вышла за калитку, дождь уже лил стеной.

Небо потемнело, и улицу затянула серая пелена. Вода стекала с крыш, собиралась в лужи у тротуара и бурными струйками бежала вдоль бордюров. Крупные капли ударяли по лицу, забирались за воротник и быстро пропитывали одежду.

Бану остановилась под навесом у ворот, пытаясь отдышаться.

Ещё несколько минут назад она сидела в маленькой комнате, где каждая вещь напоминала о жизни Севиль, а теперь стояла на мокрой улице, среди шума дождя и проезжающих машин.

Она подняла воротник куртки и двинулась вперёд.

Она просто хотела жить.

Слова матери не отпускали её.

Бану шла, почти не замечая дороги. Перед глазами возникали старый дом, потёртая мебель, фотография Севиль и стакан чая, к которому она так и не притронулась. А затем — лицо её матери и дрожащий голос, когда она говорила о будущем дочери, которого та больше не увидит.

Она просто хотела жить.

Бану прибавила шаг.

Ей хотелось поскорее добраться домой, закрыться в своей комнате и хотя бы на несколько часов перестать думать о случившемся. Она надеялась, что знакомые стены, мягкая постель и привычные вещи помогут ей прийти в себя, что, оставшись одна, она сможет успокоиться и наконец разобраться в собственных чувствах.

Но воспоминания не отступали.

Она снова увидела себя рядом с остальными ребятами: вспомнила смех, спрятанные туфли и то, как легко они разошлись, даже не подумав, что Севиль может оказаться в опасности.

Бану не знала, что именно произошло в последние минуты жизни девочки. Не знала, о чём та думала, когда заметила туфли на дереве, испугалась ли высоты и пыталась ли позвать кого-нибудь на помощь.

Но теперь она невольно представляла, как Севиль смотре-

ла вверх, пытаясь решить, что делать.

От этой мысли становилось невыносимо.

Дождь заливал лицо, смешиваясь со слезами, которые Бану уже не пыталась сдерживать. Она шла всё быстрее, не замечая промокших рукавов, холодной воды за воротником и мокрых прядей, прилипших к щекам.

Ей хотелось убежать от этих мыслей, словно расстояние между ней и домом Севиль могло хоть что-то изменить.

Но чем быстрее она двигалась, тем настойчивее звучал в памяти голос женщины.

Она просто хотела жить.

Бану свернула на знакомую улицу, по которой каждый день возвращалась из школы. Дождь усилился, а сумерки опустились так быстро, что лица прохожих казались размытыми силуэтами. Вода стекала по асфальту, отражая огни витрин и автомобильные фары.

Девушка не заметила, как подошла к перекрёстку.

Обычно здесь она останавливалась, смотрела по сторонам и ждала, пока проедут машины. Теперь же её внимание было поглощено воспоминаниями: перед глазами стояли старая комната, фотография Севиль и лицо её матери.

Бану шагнула с тротуара на проезжую часть.

В тот же миг сквозь шум дождя до неё донёсся звук автомобильного двигателя.

Она не сразу поняла, откуда он раздаётся.

Затем впереди вспыхнули фары.

Бану повернула голову.

Свет ударил прямо в глаза. На мокром асфальте расплылось белое пятно, и на короткое мгновение всё вокруг словно исчезло — улица, дома, дождь и собственные мысли.

Она замерла, не успев осознать опасность.

Водитель резко нажал на тормоз. Шины взвизгнули на скользкой дороге; машина дёрнулась, но не успела остановиться.

Бану попыталась отступить.

Слишком поздно.

Раздался глухой удар.

Сумка выскользнула из её руки и упала на мокрый асфальт. Учебники рассыпались по дороге, страницы раскрылись под дождём, а одна тетрадь медленно поплыла по тонкому потоку воды вдоль бордюра.

Бану не успела понять, что произошло.

На мгновение Бану показалось, будто она снова стоит у школьного окна и тянется к маленькой птице, которая вот-вот взмахнёт крыльями и исчезнет за ветвями.

Затем всё погрузилось во тьму.

Глава 9

Бану сидела в доме Севиль, хотя не помнила, как оказалась там и сколько времени прошло с тех пор, как она переступила порог этого маленького жилища.

Однако её присутствие не вызывало ни удивления, ни тревоги. Напротив, всё вокруг казалось знакомым, почти родным, словно она прожила здесь много лет и наконец вернулась туда, где её давно ждали.

В печи тихо потрескивали дрова, наполняя комнату мягким теплом и разбрасывая по стенам золотистые отблески. Укутанная большим пледом, Бану сидела на низком сиденье, поджав под себя ноги, и медленно пила горячий чай из небольшой чашки. Тонкая струйка пара поднималась над её лицом и растворялась в полумраке, а исходящий от очага жар приятно согревал озябшие пальцы.

За окном занималось раннее утро. Город ещё не успел окончательно проснуться: над крышами лежала сизая дымка, первые солнечные лучи осторожно касались красной черепицы, а белые стены домов будто светились изнутри. Перед Бану простирались улицы, площади и узкие переулки, по которым уже двигались крошечные человеческие фигурки. Глядя на этот спокойный пейзаж, она невольно улыбнулась.

Ей было хорошо — так спокойно, как не бывало уже очень давно.

Здесь ей не нужно было никуда спешить, оправдываться или мучительно перебирать в памяти последние события. Можно было не думать о школе, следовательнице, одноклассниках и трагедии, изменившей всё. Дом казался собственным, а умиротворение было таким глубоким, словно она наконец вернулась туда, где всегда должна была находиться.

Она сделала ещё один глоток чая и вновь посмотрела в окно.

В этот момент она заметила птицу.

На тонкой ветке дерева, росшего неподалёку от дома, сидело маленькое создание с необыкновенно ярким оперением. Красные, золотистые и синие перья переливались в первых лучах солнца, и на фоне сероватого утреннего тумана птица казалась почти сказочной.

Бану заинтересованно прищурилась.

— Какая красивая...

Она поставила чашку на стол, откинула плед и поднялась. Через несколько мгновений уже стояла у окна, стараясь рассмотреть незнакомую гостью получше.

Птица встрепенулась, и Бану замерла, опасаясь её спугнуть. Однако та не улетела далеко: легко взмахнув крыльями, она переместилась на другую сторону и опустилась на деревянную калитку.

Бану улыбнулась. Ей захотелось увидеть птицу поближе, и она направилась к двери, даже не задумавшись, почему

вдруг так увлеклась этим маленьким существом.

Выйдя во двор, она почувствовала, что воздух здесь прохладнее, чем казалось из дома. Где-то вдали слышалось негромкое пение птиц, но над всем окружающим словно стояла необычная тишина, не нарушаемая ни человеческими голосами, ни привычным городским шумом.

Бану посмотрела на калитку.

Птицы уже не было.

— Куда же ты делась? — пробормотала она, подходя ближе.

За калиткой начиналась дорога, но разглядеть её было трудно: пространство впереди постепенно заполнял странный белёсый туман. Он стелился по земле, обволакивал деревья, поднимался всё выше, скрывая дома и улицу, словно кто-то медленно опускал на город плотную завесу.

Бану остановилась: ещё минуту назад утро казалось ясным и безмятежным, а теперь всё изменилось так внезапно, что она не могла понять, откуда взялся туман.

Ей следовало вернуться в дом, закрыть дверь и дожидаться, пока странная дымка рассеется. Но мысль о птице почему-то не отпускала её. Бану по-прежнему хотелось узнать, куда та улетела, и это желание оказалось сильнее нарастающего беспокойства.

Она открыла калитку и вышла на дорогу.

Сделала несколько шагов, затем ещё несколько, вглядываясь в молочную пелену перед собой. Вскоре туман стал на-

столько густым, что за ним невозможно было различить даже ближайшие деревья. Бану обернулась, намереваясь вернуться, и только тогда поняла, что не видит дома.

Она посмотрела туда, где должна была находиться калитка, но за её спиной простирался всё тот же бесцветный туман. Исчезла и дорога, по которой она пришла.

— Где я?.. — растерянно прошептала Бану.

Она двинулась вперёд в надежде выйти к знакомой улице, но видимость становилась всё хуже. Туман окружал её со всех сторон, и вскоре, повернув сначала направо, затем налево и снова пойдя прямо, Бану поняла, что потеряла направление.

Тревога, до этого едва ощутимая, постепенно овладевала ею.

И вдруг туман дрогнул и начал медленно расступаться.

В нескольких шагах впереди проступил человеческий силуэт. Сначала Бану различила лишь очертания длинных волос и тонкой фигуры, но чем отчётливее становилось лицо незнакомки, тем сильнее у неё билось сердце.

Это лицо она знала.

Знала так хорошо, что на мгновение у неё перехватило дыхание.

Перед ней стояла Севиль — живая, совершенно живая.

Бану не могла поверить собственным глазам. Растерянность сменилась такой бурной радостью, что она едва не бросилась к девушке.

— Севиль?.. Ты жива?

Севиль не ответила. Она лишь смотрела на Бану, и в её неподвижном лице не было ни радости, ни удивления, ни даже гнева. Только непроницаемая тишина, от которой становилось не по себе.

— Севиль, это действительно ты? — снова спросила Бану, делая шаг навстречу. — Но как?.. Ведь...

Она не смогла закончить. Слова застряли в горле, а сознание отказывалось принимать происходящее. Ей хотелось верить, что всё случившееся было страшной ошибкой, что Севиль каким-то чудом осталась жива и теперь они смогут вернуться к прежней жизни.

Но Севиль по-прежнему молчала.

Вдруг она шагнула вперёд, затем ещё раз. Она приближалась к Бану медленно и неотвратно, не сводя с неё глаз.

Бану отступила.

— Подожди...

Севиль продолжала идти.

Бану попятилась ещё на несколько шагов и только тогда почувствовала, что под ногами больше нет ровной дороги. Она опустила взгляд, и сердце едва не остановилось от ужаса: за её пятками зиял край обрыва.

Внизу клубился тёмный туман, а далеко под ним лежала чёрная, неподвижная вода, казавшаяся бездонной.

Бану резко подняла голову.

— Севиль...

Та оказалась совсем близко. Не произнеся ни слова, она протянула руки и толкнула Бану в грудь.

Всё произошло так неожиданно, что девушка не успела даже вскрикнуть. Она потеряла равновесие, взмахнула руками, пытаясь зацепиться хоть за что-нибудь, но пальцы сомкнулись на пустоте. На одно короткое мгновение ей показалось, что она ещё может удержаться на краю, однако земля ушла из-под ног, и Бану полетела вниз.

Её тело пронзил ледяной холод.

С криком она погрузилась в воду. Та сомкнулась над головой тяжёлой чёрной толщей, мгновенно отрезав её от всего остального мира. Бану отчаянно забила руками, пытаясь всплыть, но вода словно тянула её на глубину. Она не видела ни поверхности, ни берега, ни малейшего отблеска света.

Вокруг стояла непроглядная тьма.

Бану рванулась вверх, пытаясь вдохнуть, но вместо воздуха в грудь ворвалась новая волна паники. Лёгкие горели, тело сопротивлялось холоду, а силы стремительно покидали её. Она снова попыталась выбраться, однако руки двигались всё медленнее, и тёмные круги уже расплывались перед глазами.

Я не хочу умирать...

Эта мысль вспыхнула в сознании с такой ясностью, что на мгновение заслонила весь ужас происходящего.

Затем исчезла и эта мысль.

Темнота поглотила Бану.

До самого горизонта простирались пески, золотистые и ослепительно яркие под палящим солнцем. Высокие барханы сменяли друг друга, напоминая застывшие волны огромного моря, и нигде не было видно ни деревьев, ни дорог, ни человеческого жилья. Воздух над раскалённой землёй дрожал, и вдали возникали зыбкие миражи, похожие на водную гладь.

Но воды не было.

Не было ничего, кроме песка, солнца и безмолвия.

Бану медленно открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно, не понимая, что видит перед собой. Яркий свет резал глаза, и она инстинктивно прикрыла лицо ладонью.

Где она находилась?

Вопрос возник внезапно и сразу же вызвал тревогу. Бану попыталась пошевелиться, но тело казалось чужим, тяжёлым и непослушным. С трудом опираясь руками о песок, она приподнялась, однако в ту же секунду голова закружилась, перед глазами потемнело, а ноги подогнулись. Ей пришлось поспешно опуститься обратно, чтобы не упасть.

— Ай... — тихо выдохнула она.

Некоторое время Бану сидела, переживая головокружение. В висках неприятно пульсировало, руки и ноги казались непривычно слабыми, а в горле стояла такая сухость, что даже сглатывать было больно. Она провела языком по потрескавшимся губам, но во рту не осталось ни капли влаги.

Ей хотелось пить. Не просто хотелось — жажда станови-

лась мучительной, вытесняя все остальные мысли.

Бану оглянулась, надеясь увидеть рядом хотя бы одного человека, но вокруг никого не было. Она посмотрела в другую сторону, затем снова назад, словно кто-то мог незаметно появиться за те несколько секунд, пока она отвлеклась.

Однако пустыня оставалась безлюдной.

Девушка закрыла глаза, пытаясь восстановить в памяти события последних часов. Перед внутренним взором возникали отдельные картины: школа, одноклассницы, Севиль, дерево, туфли... Всё это было связано с чем-то страшным, но воспоминания путались, не желая складываться в единую последовательность.

А потом...

Бану резко открыла глаза.

— Что произошло?..

Ответа, разумеется, не последовало.

Она опустила взгляд и только теперь заметила, что на ней нет школьной формы. Несколько секунд Бану недоверчиво разглядывала собственную одежду, надеясь, что усталость и солнечный свет обманывают её зрение.

На ней было длинное, бесформенное одеяние из грубой ткани, испачканное пылью и песком. Материал казался старым и жёстким, а широкие рукава и неровный подол выглядели так, словно одежду сшили вручную много лет назад.

Бану осторожно потянула ткань пальцами.

— Что это такое?..

Она осмотрела руки. Под ногтями забились грязь, кожа была покрыта песком, а на ладонях и локтях виднелись небольшие ссадины. Волосы спутались и растрепались, несколько прядей липли к лицу.

Бану коснулась волос и с ужасом посмотрела на себя.

— Боже... Что со мной?

Ей стало страшно. Она медленно поднялась на ноги, стараясь удержать равновесие, и огляделась ещё раз. Пустыня окружала её со всех сторон. Ни знакомой дороги, ни здания, ни машины, ни телефона — ничего, что связывало бы её с прежней жизнью.

И тогда в голове возникла мысль, от которой по спине пробежал холодок.

— Кажется... я сошла с ума.

Она произнесла это почти шёпотом, словно боялась, что пустыня услышит её слова.

— Да, наверное, так бывает. Люди ведь видят то, чего нет... Придумывают какие-то миры...

Но объяснение не принесло облегчения. Напротив, Бану почувствовала, как внутри всё сжалось от страха. Она покачала головой, пытаясь отогнать пугающую мысль.

— Нет. Нет, я не хочу в это верить.

Глаза защипало. Она беспомощно оглядывалась по сторонам, надеясь обнаружить хоть что-нибудь, что помогло бы ей понять происходящее.

— Боже, где я? Что случилось? Почему я здесь?

Вопросы срывались с губ один за другим, но отвечать на них было некому.

— Это сон, — наконец сказала Бану, цепляясь за единственное объяснение, которое ещё могло её успокоить. — Да, просто сон. Такого не может быть.

Она ущипнула себя за руку. Сначала осторожно, затем сильнее, пока боль не заставила её поморщиться.

— Проснись...

Бану сжала кожу пальцами ещё крепче.

— Проснись же!

— Ай!

На руке осталось красное пятно. Девушка замерла, глядя на него, а потом медленно подняла глаза к раскалённому горизонту.

Ничего не изменилось. Солнце по-прежнему слепило глаза, песок обжигал босые ступни, а слабый ветер едва заметно шевелил край её странного одеяния.

Это не было похоже на сон. По крайней мере, ни один сон, который Бану помнила, не казался настолько настоящим.

— Мама... Папа...

Голос дрогнул, и к горлу подступили слёзы. Впервые с момента пробуждения Бану по-настоящему ощутила, насколько она одинока и беспомощна. Ей хотелось оказаться дома, услышать голос матери, увидеть отца, почувствовать, что всё происходящее — лишь недоразумение, которое скоро закончится.

Но вокруг были только пески.

Бану быстро вытерла глаза ладонью, сердясь на собственную слабость.

— Нельзя плакать. Нужно отсюда выбраться.

Не зная, куда идти и что делать, Бану всё же решила двигаться дальше: оставаться на месте было ещё страшнее. Она выбрала направление наугад, надеясь, что за следующим барханом обнаружится дорога или хотя бы человек, которому можно будет объяснить своё положение.

За очередным барханом открылись лишь новые песчаные склоны.

Бану продолжила путь.

Солнце поднималось всё выше, и жара становилась невыносимой. С каждым часом силы покидали её быстрее. Губы пересохли и начали болезненно трескаться, голова тяжело гудела, а ноги с трудом передвигались по рыхлому песку. Несколько раз Бану останавливалась, чтобы перевести дыхание, но даже короткий отдых не приносил облегчения.

Она оглядывалась, искала глазами хоть малейший признак жизни, однако пустыня оставалась безмолвной. Ни тени, ни воды, ни человека. Лишь бесконечное море песка, в котором легко было потерять дорогу и ещё легче — последние силы.

Когда Бану уже почти перестала надеяться на спасение, она поднялась на очередной высокий бархан и вдруг заметила внизу нечто необычное.

Сначала ей показалось, что это очередной мираж. Она прищурилась, прикрыла глаза ладонью от солнца и долго всматривалась в даль, боясь поверить тому, что видела.

Среди песков действительно стояло поселение.

Хотя деревней это скопление построек можно было назвать лишь с натяжкой.

Небольшие дома из глины жались друг к другу, словно искали защиты от ветра и палящего зноя. Их неровные стены были выгоревшими и потрескавшимися, плоские крыши поддерживали деревянные балки, а между строениями извивались узкие песчаные дорожки.

Бану прежде видела подобные жилища только в старых фильмах о древних цивилизациях.

— Не может быть...

Она поспешила вниз по склону, но, приблизившись к первым домам, невольно замедлила шаг. Внезапно ей пришло в голову, что она совершенно не знает, кто здесь живёт и как встретят её незнакомые люди.

Впрочем, выбирать не приходилось. Жажда становилась всё мучительнее, и Бану надеялась, что в поселении найдётся хотя бы немного воды.

Она осторожно заглянула в ближайший дом.

Внутри царил полумрак. Вместо привычной мебели стояли низкое деревянное ложе, грубый стол и несколько глиняных сосудов. На полу лежали циновки, а в углу темнела большая корзина, сплетённая из сухих стеблей.

Бану сделала несколько шагов, оглядывая незнакомое жилище. Ни холодильника, ни раковины, ни ванной комнаты, ни электрического освещения — ничего из того, без чего она прежде не представляла повседневной жизни.

Она вышла наружу и заглянула в соседний дом. Там обнаружили глиняные кувшины, деревянные миски, тканые покрывала и несколько непонятных инструментов. В третьем помещении стояли небольшой очаг и горшки, а стены были почти голыми.

Бану медленно обвела взглядом комнату.

Всё выглядело настолько непривычно, что казалось: она попала не просто в чужое место, а в другую эпоху.

— Прекрасно... — пробормотала она, устало прислонившись к стене. — Кажется, меня действительно занесло в древнюю историю.

Она попыталась усмехнуться, но улыбка вышла натянутой.

— Не удивлюсь, если сейчас появится мой учитель истории и начнёт рассказывать о быте древних народов.

Ответом ей стала тишина.

Бану выглянула на улицу. Поселение производило странное впечатление: казалось, его жители совсем недавно покинули дома и должны были вернуться с минуты на минуту. Однако нигде не было ни людей, ни животных. Не слышалось голосов, детского смеха или лая собак; даже птиц не было видно.

Будто всё поселение опустело задолго до её появления.

Тревога вновь подступила к горлу Бану, но сейчас её занимало прежде всего одно.

Вода.

Она продолжила поиски, заглядывая за дома, обходя глиняные стены и проверяя каждый угол, в котором мог стоять сосуд или кувшин. Однако все ёмкости, которые ей попадались, были пусты.

Наконец девушка остановилась посреди поселения и тяжело вздохнула.

— Как же люди здесь жили без воды? Откуда они её брали?

Она провела языком по пересохшим губам, пытаясь сосредоточиться, хотя от жажды мысли становились всё медленнее.

— Не могли же они просто умирать от жажды...

Бану закрыла глаза и принялась вспоминать школьные уроки истории. Когда-то сведения о древних цивилизациях казались ей скучными, а названия старинных орудий и способы устройства поселений не заслуживали особого внимания. Теперь же каждая крупица знаний могла оказаться полезной.

— Так, Бану, думай. Думай же...

Она нахмурилась, перебирая в памяти всё, что знала о жизни людей в пустыне.

— Колодцы... Конечно! Колодцы или источники.

Девушка огляделась, словно колодец мог обнаружиться прямо перед ней, стоило лишь произнести это слово.

— И где же вы его спрятали?..

Она медленно пошла между домами, внимательно всматриваясь в землю. Сначала ничего необычного не замечала, но за последним строением её взгляд остановился на небольшом участке, отличавшемся от окружающего песка. Здесь земля была утоптана и покрыта плотным слоем глины, а от одного из домов к этому месту тянулась едва заметная дорожка, словно по ней много раз ходили.

Бану направилась туда.

За невысокой глиняной стеной обнаружилось круглое сооружение, сложенное из камней и глины. Сверху лежала деревянная перекладина, а рядом на земле валялась толстая верёвка.

Колодец!

Бану замерла, не сразу осознав, что наконец нашла то, что искала. Несколько секунд она просто смотрела на тёмное отверстие, а затем на её лице появилось выражение почти невероятного облегчения.

— Вот он...

Собственный голос показался ей чужим и слабым.

— Наконец-то...

Она приблизилась, стараясь не думать о том, насколько глубоко мог уходить колодец и сколько усилий потребуется, чтобы достать воду. Сейчас ей казалось, что всё, что она де-

лала с момента пробуждения, было лишь попыткой добратъся до этого места.

Оставалось совсем немного.

Бану протянула руку к верёвке.

И вдруг услышала звук.

Тихий, едва различимый, но настолько неожиданный в мёртвой тишине поселения, что она мгновенно замерла.

Это было фыркание.

Девушка медленно подняла голову. Сердце забилося чаще. Спустя мгновение звук повторился — теперь отчётливее, словно кто-то находился совсем рядом, за одним из домов.

Затем раздался лёгкий перестук копыт о твёрдую землю.

Бану перестала дышать.

Она крепче сжала верёвку, не сводя глаз с узкого прохода между строениями. Все мышцы напряглись, а в голове промелькнула мысль, что она, возможно, вовсе не одна в этом заброшенном поселении.

Значит, здесь кто-то был.

Судя по звукам, лошадь — но значит ли это, что рядом находился и её хозяин?

Бану медленно повернула голову в сторону, откуда доносился перестук копыт. Ещё несколько минут назад она готова была отдать всё на свете за встречу с человеком, который мог бы помочь ей выбраться из пустыни. Теперь же, стоя возле колодца в незнакомом поселении, она впервые задума-

лась, что встреча с обитателями этого мира может оказаться не менее опасной, чем сама пустыня.

Она не знала, чего ей следует бояться больше: бескрайних песков, в которых можно погибнуть от жажды, или людей, чьи обычаи, язык и намерения оставались для неё полной загадкой.

И всё же отступать было некуда.

Бану ждала, затаив дыхание, пока за стенами не прозвучал следующий шаг.

Глава 10

Недалеко от одного из глиняных домов росла высокая финиковая пальма. Её длинные листья едва заметно шевелились под горячим ветром, отбрасывая на раскалённую землю редкую, почти невесомую тень. Под пальмой стояла чёрная лошадь — высокая, стройная, с блестящей на солнце шерстью. Она лениво переступала ногами, время от времени отгоняя хвостом назойливых насекомых.

Рядом с ней, прислонившись спиной к шершавому стволу, спал мужчина.

Бану остановилась и осторожно выглянула из-за угла ближайшего дома. На мужчине была длинная, выцветшая от времени и пыли одежда, на ногах — потёртые сандалии. В другой ситуации Бану назвала бы такую одежду лохмотьями, однако теперь уже не была уверена, что в этом странном мире знакомые ей представления о моде, удобстве и опрятности вообще имели значение.

Мужчина спал, запрокинув голову и вытянув ноги, словно ничто вокруг не могло его потревожить. Бану решила воспользоваться этим: ей нужно было добраться до колодца, набрать воды и попытаться найти людей, которые объяснили бы, где она оказалась.

Она сделала несколько осторожных шагов, стараясь не шуметь, и уже почти скрылась за углом дома, когда неожи-

данно столкнулась лицом к лицу с незнакомцем.

Бану едва сдержала вскрик.

Перед ней стоял мужчина примерно того же возраста, что и спящий под пальмой, хотя его лицо казалось значительно неприятнее. На голове был повязан тёмный платок, щёки покрывала густая щетина, а глубоко посаженные глаза с нескрываемым любопытством скользили по её одежде и лицу. В этом взгляде было что-то такое, от чего Бану сразу захотелось оказаться как можно дальше.

Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга, словно каждый пытался понять, кто перед ним. Затем мужчина заговорил.

Бану не поняла ни слова. Незнакомый язык звучал грубо и непривычно, изобилуя резкими согласными и странными сочетаниями звуков, которых она никогда прежде не слышала.

Она инстинктивно отступила.

— Пожалуйста, не трогайте меня, — произнесла Бану по-азербайджански, стараясь говорить спокойно, хотя голос предательски дрожал.

Мужчина нахмурился и ответил ещё что-то, сопровождая слова выразительным жестом. Бану покачала головой, показывая, что не понимает его, и сделала ещё один шаг назад.

— Я не понимаю. Пожалуйста...

Она попыталась улыбнуться, надеясь, что дружелюбное выражение лица поможет избежать неприятностей, но незна-

комец не улыбнулся в ответ. Напротив, его взгляд стал настойчивее, а на губах появилась неприятная усмешка, обнажившая неровные желтоватые зубы.

От мужчины пахло потом, пылью и затхлой одеждой. Бану невольно поморщилась и тут же пожалела об этом: незнакомец заметил её реакцию, и выражение его лица изменилось.

Он произнёс несколько слов, после чего резко повернул голову и крикнул в сторону пальмы.

Спавший под деревом мужчина зашевелился, открыл глаза и медленно поднялся на ноги. Увидев Бану, он сразу перестал выглядеть сонным. Несколько мгновений он разглядывал её, а затем направился к ним.

В этот миг Бану поняла: нужно бежать.

Она не успела ни обдумать происходящее, ни взвесить опасность. Её охватил инстинктивный страх, которому не требовалось понимать чужие слова или знать намерения этих людей.

Беги.

Она резко развернулась и бросилась прочь.

Ещё минуту назад ноги казались ей тяжёлыми, тело едва держалось от слабости, а жажда лишала возможности сосредоточиться. Теперь же страх заставил её забыть об усталости. Бану мчалась между глиняными домами, едва не задевая плечом стены, и слышала за спиной крики преследователей.

Она не пыталась разобрать их слов. Достаточно было слышать, как за спиной всё громче звучат шаги.

Завернув за угол, Бану оказалась в узком проходе, который почти сразу закончился тупиком. Она резко остановилась, развернулась и увидела одного из мужчин в нескольких шагах от себя. Позади, перекрывая выход, уже приближался второй.

На мгновение ей показалось, что они намеренно загоняют её в ловушку, не позволяя выбраться из лабиринта тесных улочек.

— Нет... — выдохнула она.

Бану метнулась в сторону, проскользнула между стенами и снова побежала, не обращая внимания на боль в ногах. Сердце колотилось так сильно, что каждый удар отдавался в висках, дыхание становилось прерывистым, а от жары перед глазами начинали расплываться очертания домов.

Впереди наконец открылось свободное пространство.

Пустыня.

Бану выскочила на песок, надеясь, что вдали от тесных переулков ей удастся оторваться от преследователей. Однако рыхлая поверхность затрудняла бег: ноги проваливались, каждый шаг требовал усилий, а солнце беспощадно жгло непокрытую голову.

Она заставляла себя двигаться быстрее, хотя лёгкие уже горели от нехватки воздуха. Ей казалось, что достаточно продержаться ещё немного, добраться до следующего бархана, скрыться за ним — и, возможно, преследователи потеряют её из виду.

Но тяжёлые шаги за спиной становились всё ближе.

Внезапно чья-то рука схватила её за плечо.

Бану вскрикнула и попыталась вырваться, однако мужчина резко дёрнул её назад. Она потеряла равновесие и упала на горячий песок, больно ударившись ладонями о землю.

— Отпустите меня!

Она закричала изо всех сил, пытаясь отползти, но незнакомец удерживал её. Бану забилась, царапалась, отталкивала его руками, стараясь высвободиться, однако её движения становились всё слабее. Второй мужчина уже подбежал к ним и остановился рядом, глядя на происходящее с неприятной усмешкой.

Бану подняла на него глаза и почувствовала, как страх сковывает всё тело. Ей не нужно было понимать их язык, чтобы осознать: она оказалась во власти людей, которым совершенно безразлично её отчаяние.

— Помогите! — закричала она. — Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

Мужчина, державший её, что-то резко произнёс, словно требуя замолчать, но Бану продолжала кричать. Она не могла остановиться, потому что паника уже лишила её способности мыслить спокойно.

— Не трогайте меня! Я вас умоляю... Пожалуйста!

Слёзы текли по щекам, смешиваясь с песком. Бану отворачивала лицо, пыталась прикрыться руками и снова вырывалась, но силы стремительно покидали её. Ей хотелось ис-

чезнуть, провалиться сквозь землю, проснуться в своей комнате, увидеть знакомые стены и услышать голос матери. Она отдала бы всё на свете, лишь бы происходящее оказалось кошмаром, который можно забыть после пробуждения.

Но солнце по-прежнему жгло кожу, песок обжигал ладони, а над ней склонялось чужое лицо.

Впервые в жизни Бану ощутила, насколько хрупкой была её прежняя безопасность. Раньше она могла раздражаться из-за школьных занятий, спорить с родителями, мечтать о красивой одежде и дорогих вещах, не задумываясь о том, что привычный мир, в котором всё казалось само собой разумеющимся, способен исчезнуть в одно мгновение. Теперь ей отчаянно хотелось вернуться даже к тем дням, которые прежде казались скучными и бессмысленными.

— Мама... — вырвалось у неё почти беззвучно. — Мамочка...

Но рядом не было ни матери, ни отца, ни кого-либо, кто мог бы защитить её.

Бану снова попыталась вырваться, однако мужчина лишь крепче удержал её. От ужаса она зажмурилась, стараясь не видеть его лица, и закричала ещё раз, уже охрипшим голосом:

— Помогите!

И вдруг совсем рядом раздался другой голос.

Громкий, резкий, властный.

Мужчина, державший Бану, замер. Его спутник резко по-

вернул голову, и выражение его лица мгновенно изменилось. Незнакомец произнёс что-то ещё, на этот раз гораздо жёстче, после чего послышались быстрые шаги.

Бану с трудом открыла глаза.

Рядом с ними стоял третий мужчина.

Он был выше обоих преследователей, широкоплечий и крепкий. Тёмная одежда облегла его фигуру, а на лице, обветренном и загорелом, застыло суровое выражение. В его осанке и движениях чувствовалась уверенность человека, привыкшего добиваться повиновения без лишних слов.

Несколько мгновений он молча смотрел на мужчин, удерживавших Бану, а затем произнёс короткую фразу. Она не поняла её смысла, но в его голосе звучала такая непререкаемая властность, что даже ей стало ясно: он требует немедленно прекратить происходящее.

Преследователь что-то торопливо ответил, пытаясь оправдаться, однако незнакомец резко оборвал его. Второй мужчина вмешался в разговор, заговорив быстро и раздражённо, но это лишь усилило гнев третьего.

Он шагнул вперёд.

Теперь между ним и преследователями оставалось всего несколько шагов. Незнакомец снова произнёс несколько слов, и на этот раз в его голосе прозвучала открытая угроза.

Мужчина, державший Бану, медленно разжал пальцы и отступил. Его спутник недовольно сплюнул в песок, бросил на девушку неприязненный взгляд, но спорить с незнаком-

цем не решился.

Через несколько мгновений оба направились обратно к поселению.

Бану не двигалась. Она сидела на песке, прижав колени к груди, и дрожала всем телом. Волосы прилипли к влажному лицу, песок забился под ногти и в складки грубой одежды, а дыхание никак не желало выравниваться. Она пыталась сделать глубокий вдох, но каждый раз воздух застревал где-то в груди.

Опасность, казалось, миновала, но тело всё ещё не верило в спасение.

Третий мужчина повернулся к ней.

Бану испуганно отшатнулась и попыталась отползти, но он сразу остановился. Не приближаясь, незнакомец несколько секунд молча смотрел на неё, словно понимая, что любое резкое движение может вызвать новую волну страха.

Затем он произнёс что-то негромко, уже без прежней суровости.

Бану не поняла ни слова.

Она лишь смотрела на него широко раскрытыми глазами, не зная, что делать дальше. Ей хотелось верить, что этот человек действительно спас её, но слишком многое произошло за последние минуты, чтобы она могла сразу довериться незнакомцу.

— Я... я не понимаю, — прошептала она, с трудом выговаривая слова. — Вы понимаете меня?

Мужчина внимательно посмотрел на неё, но не ответил. По его лицу нельзя было определить, понял ли он хотя бы отдельные звуки или её речь для него была такой же чужой, как его язык для неё.

Он медленно протянул руку, предлагая помощь, но сам не приблизился.

Бану посмотрела на его ладонь, затем на лицо. Несколько секунд она колебалась, разрываясь между страхом перед незнакомцем и отчаянным желанием выбраться из этого беспомощного положения. Наконец, собрав остатки сил, она осторожно вложила пальцы в его руку.

Мужчина помог ей подняться, придерживая ровно настолько, чтобы она не упала. Когда Бану выпрямилась, ноги едва удержали её, и ей пришлось ухватиться за его предплечье.

Он что-то спросил, указав сначала на неё, затем на поселение. Бану только покачала головой, чувствуя, как вновь подступают слёзы.

— Я не знаю... Я ничего не понимаю...

Её голос дрогнул, и она опустила глаза, стараясь справиться с нахлынувшим отчаянием.

Мужчина некоторое время наблюдал за ней, а затем посмотрел в сторону домов, откуда доносились голоса удалявшихся преследователей. Его лицо снова стало суровым. Он произнёс короткую фразу, жестом предлагая Бану следовать за ним.

Девушка не двинулась с места.

Она боялась идти за незнакомцем, но ещё сильнее боялась остаться одна посреди пустыни, без воды, без знания местных обычаев и даже без возможности попросить о помощи на понятном языке.

Мужчина, словно догадавшись о её сомнениях, не стал торопить её. Он просто ждал, сохраняя расстояние между ними.

Бану оглянулась на поселение, затем на бескрайние пески, простиравшиеся за его пределами. Солнце всё так же безжалостно палило, а слабость после долгого перехода и пережитого страха становилась почти невыносимой.

У неё не было выбора — по крайней мере, сейчас она не видела другого.

Бану сделала первый неуверенный шаг.

Незнакомец повернулся и медленно направился к домам, время от времени оглядываясь, чтобы убедиться, что она не отстала. Девушка последовала за ним, стараясь держаться на небольшом расстоянии и внимательно наблюдая за каждым его движением.

Она не знала, кто этот человек, откуда он пришёл и почему вмешался. Не могла быть уверена даже в том, что рядом с ним ей ничего не угрожает. Но впервые с момента пробуждения в пустыне кто-то не пытался причинить ей вред.

И пока этого было достаточно.

Бану шла за незнакомцем, чувствуя, как вместе с каждым

шагом в ней понемногу крепнет надежда. Она всё ещё была напугана, измучена и совершенно не понимала, что происходит, однако теперь ей хотя бы не приходилось встречать неизвестность в одиночестве.

Впереди лежал чужой мир, полный опасностей и загадок, а единственным проводником в нём становился человек, чьего имени она пока даже не знала.

Глава 11